

Джунковский В. Ф. Воспоминания (1915–1917). Том 3. – М., 2015.

Воспоминания генерала Владимира Федоровича Джунковского (07.09.1865 Петербург - 21.02.1938, расстрелян на Бутовском полигоне) представляют наиболее ценный исторический материал при освещении темы Нарочского наступления 1916 года. Воспоминания написаны ярко, живо и, кроме того, изобилуют документальными первоисточниками. Однако главным достоинством его воспоминаний является то, что они написаны честно и прямолинейно. В сталинские времена необходимо было действительно обладать личным мужеством, чтобы позволить себе отражать факты без характерных искажений эпохи «социалистического реализма».

Свою храбрость генерал доказал также на фронтах Первой мировой войны. Например, на Западном фронте при проведении Нарочского наступления он все дни провел на передовой. Тем самым, В.Ф. Джунковский завоевал авторитет среди солдат 3-го Сибирского корпуса. Признали его и в офицерской среде, а высшее военное руководство стало считаться с его мнением.

С 26 декабря В.Ф. Джунковский командовал бригадой 8-й Сибирской стрелковой дивизии, со 2 августа 1916 года принял во временное командование 7-ю Сибирскую стрелковую дивизию. Из аттестации В.Ф. Джунковского, составленной 30 июля 1916 г. генерал-лейтенантом А.Е. Редько: "С большим жизненным опытом и пониманием людей. Отлично поставил себя в дивизии, где пользуется общими любовью и авторитетом. Дело военное любит и предан ему до глубины души... В бою очень спокоен, правильно оценивает обстановку. Прекрасно владеет собой, умеет это передать и окружающим... За девять месяцев работы во время войны приобрел необходимые опыт и знания, а потому считается заслуживающим повышения по должности" (Государственный архив Российской Федерации. Ф. 826. Оп. 1. Д. 6. Л. 1--1 об.). С ноября 1916 года - командующий новой формируемой 131-ой пехотной дивизии (с января благодаря ходатайству начдива получила название 15-я Сибирская стрелковая дивизия, вошедшая впоследствии в состав Гренадерского корпуса).

В апреле 1917 г. В.Ф. Джунковскому было присвоено звание генерал-лейтенанта. В сентябре того же года единодушным решением солдатского комитета он был "допущен на должность командира 3-го Сибирского армейского корпуса" (ГА РФ. Ф. 826. Оп. 1. Д. 326. Л. 27). Однако в то время Верховным главнокомандующим был Керенский, который не согласился с данным назначением. Тогда Балугев, занимавший должность главнокомандующего Западного фронта, послал телеграмму начальнику штаба Верховного главнокомандующего с требованием утвердить назначение В.Ф. Джунковского. Балугев также просил освободить его от обязанностей главнокомандующего в случае, если его требование не будет выполнено. По признанию самого Джунковского, впоследствии Балугев также относился к нему совершенно исключительно.

* * *

Демонстрирование действий газами профессором Лавровым.

1-го февраля в дивизию [8-ю Сибирскую стрелковую] прибыл профессор Лавров, командированный штабом фронта для ознакомления нижних чинов и офицеров с действием ядовитых газов, которыми немцы последнее время стали усиленно пользоваться, а главное, чтобы доказать совершенную безопасность газов при надетых масках-противогазах. Лекция эта состоялась в 31-м полку. Полк был выстроен на большой площадке и профессор Лавров, сказав несколько слов, выпустил газы из трех баллонов, сначала очень высоко, затем в рост человека и наконец на земле. Маски у всех были в руках, дабы в случае, если бы стало трудно дышать, можно было их моментально надеть. Зеленоватый дымок пошел из трубок, как только открыли клапаны баллонов, он сгустился в небольшое облако, в которое вошли сначала все офицеры во главе со мной, а затем нижние чины.

Начался общий кашель, стали надевать маски. Когда таким образом обкурили весь полк и все получили о газах наглядное понятие, то в одну из изб, откуда были вынесены все вещи и в которой заткнуты были все малейшие отверстия и скважины, пустили газ, который наполнил помещение. После этого в избу впускали по очереди от каждой роты по 25 человек с надетыми масками-противогазами. Каждая такая группа оставалась в избе, наполненной газами, 10 минут; некоторые в виде опыта пробовали снимать маски, но не выдерживали и секунды, выбегая стремглав на воздух. Я вошел в избу с первой группой, в ней было несколько офицеров и 20 стрелков. Маску я не снимал и ровно ничего не чувствовал, мог свободно разговаривать и все видеть. Но я, очевидно, чересчур наглотался мерзости, когда пускали газ на воздухе и почувствовал себя нехорошо. Приехав к себе, меня стало тошнить, мучительно как-то тянуть, казалось – я отравился газами. Пролежав часа два, встал с головной болью и болью в груди и кашлем. Заказал автомобиль и проехался верст 30, чтобы продезинфицировать свои легкие на воздухе. Голова кружилась, но к утру я уже стал себя хорошо чувствовать. Также случилось и со многими стрелками. Эти опыты были произведены во всех частях дивизии, так что все нижние чины воочию могли убедиться, какое спасение маска при газовой атаке.

2 февраля я был у обедни в 29-м полку, после чего произвел экзамен окончившим курс нижним чинам пулеметных команд с новыми пулеметами Кольта. Увы, большинство оказалось совершенно неподготовленными, пришлось продлить им занятия еще на неделю, они все не достаточно сноровисто обращались с пулеметами, которые поэтому все время капризничали.

В этот вечер возвратился в дивизию генерал Редько и 3-го февраля вступил в должность, предписав мне обратиться к исполнению моих

обязанностей по должности командира бригады, но 4-го числа он снова уехал на четыре дня в Минск, я опять вступил на эти дни в командование дивизией. 7-го февраля Редько вернулся и приказом по дивизии, за № 41, просил меня принять его «искреннюю благодарность за отличное командование мной дивизией почти в течении двух месяцев его отсутствия».

4 февраля я служил панихиду по великому князю Сергею Александровичу в походной церкви 32-го полка, 5 февраля я отправился с начальником штаба на экзамены в полковых учебных командах. Довезя начальника штаба до 32-го полка и поручив ему ознакомиться с успехами обучения в этом полку, сам проехал в 31-й полк. Не найдя учебной команды, заехал в штаб полка, вызвал командующего полком и уже с ним проехал в учебную команду, где застал полную растерянность: команда была собрана, а экзаменационной комиссии еще не было, хотя было уже 10 час. утра.

Меня это страшно взорвало, я еле сдержался, послал за подполковником Антоновым – председателем комиссии. Он пришел, по-видимому, его подняли с постели, т. к. он, растерявшись, ничего не соображал и не мог мне даже дать определенных ответов на мои вопросы. Я обратился тогда к командовавшему полком, и от него не мог получить должного ответа. Тогда я заявил, что вижу, что мне тут делать нечего и предоставляю им самим судить, дать самим себе оценку такому отношению к делу, что делать замечания такому боевому офицеру (это был подполковник Зиневич с Георгием 4 степени и золотым оружием) мне совестно, что он лучше меня должен понимать, что сейчас для обучения надо дорожить каждой минутой, что ведь им же самим и придется идти в бой с этими стрелками и потому казалось бы в их же интересах обучить людей как можно лучше, а они начинают занятия не в 8 часов утра, как мною было приказано, а после 10-ти.

Сказав все это, я сел в автомобиль и, не простившись ни с кем, уехал. Все во мне кипело, отъехав немного, встретил двуколку, на которой нагружено было огромное дерево, которое, казалось, сейчас раздавит двуколку, а между тем у нас был и так большой некомплект обоза. Остановился, послал за заведывавшим хозяйством и, отчитав его, приказал немедленно снять дерево с двуколки.

Вылив немного накипевшее во мне, поехал в 30-й полк, где застал экзамены учебной команды в полном разгаре, отвечали очень хорошо, учение также прошло весело с большим подъемом. Поблагодарив заведывавшего учебной командой, проехал на стрельбище. Тут меня вполне удовлетворили – на 400 шагов в головные мишени (очень трудная стрельба) большинство из 5 пуль попадало 3, что считалось очень хорошо.

Вернулся домой к обеду, днем ездил к соседям – к командиру 26-го корпуса генералу Гернгроссу и к начальнику 7-й Сибирской стрелковой дивизии Братанову, три раза застревал в снегах, но все же добрался до них.

На другой день опять поехал в 31-й полк, все уже были на местах и проверка окончивших учебную команду шли в полном порядке, была представлена программа испытаний со всеми заметками членов комиссии,

результатами ответов я был вполне удовлетворен. Командир полка извинялся за происшедшее накануне. Из 31-го полка проехал в 29-й полк – этот полк оказался первым по успехам, экзамены и учение прошли блестяще.

7-го числа я был у обедни с начальником дивизии в 30-м полку, а вечером поехали в дер. Зарудичи в Гродненский отряд Красного Креста, который праздновал первую годовщину со дня своего формирования. Был целый фестиваль – командир 26-го корпуса Гернгросс со своими двумя начальниками дивизий, многие из чинов нашего штаба. Мы свезли чудный пирог, сделанный нашим поваром с соответствующей надписью из глазури и серебряную чарку с вырезанными инициалами штаба. Было очень оживленно, немцы не стреляли и мы провели время до 12 час ночи.

На другой день, когда я проснулся в девятом часу, мне сказали, что начальник дивизии меня спрашивал и, не дождавшись меня, уехал куда-то на автомобиле. Стали всюду спрашивать по телефону, и наконец узнали, что он приехал в 31-й полк. Ехать туда уже не имело смысла, я мог его уже не застать, поэтому спокойно напился кофе, прочел телеграммы, полученные за ночь и, велев оседлать лошадь, поехал в 32-й полк, где очень запоздали с постройкой землянок. Пожурив ротных командиров 4-го батальона за медленную работу и дав им срок на окончание их не более 5 дней, я прошел на кухню 2-го батальона, в трех ротах пища оказалась хорошей, а в 6-й роте до того солона, что останавливалась в горле. Наговорив неприятностей ротному командиру, в самом скверном настроении поехал домой, и только быстрая езда полевым галопом как-то испарила мое недовольство. Дома застал начальника дивизии вернувшимся из 31-го полка, где он тоже нашел много не порядков. Вечером у нас ужинали сестры и главный врач Гродненского отряда.

Между 10 и 14 февраля я исключительно был занят осмотром обмундирования и снаряжения в полках. Это отнимало у меня все время с утра до позднего вечера. Ведь в одних полках было до 22000 человек. К 15-му февраля я покончил со всеми осмотрами и к моему большому удовлетворению мог доложить начальнику дивизии, что дивизия не только хорошо, но и нарядно одета, цветные петлицы и погоны придали людям совсем другой вид, снаряжение, добытое с большими трудностями, было полностью, дивизия была более или менее сколочена, пополнения влиты, этот месяц отдыха не пропал даром.

18 февраля получено было распоряжение о переводе нашего корпуса из 10-й во 2-ю армию, которой командовал генерал Смирнов, о котором я упоминал уже в своих воспоминаниях, когда описывал свой приезд в Минск. Это перемещение свидетельствовало, что нас куда-то перебросят, и, действительно, через несколько часов пришло приказание нашему корпусу немедленно выступить походным порядком, ночными переходами, куда – неизвестно, маршруты будут давать только на сутки вперед до остановочного пункта. Полкам нашей дивизии назначено выступление 19-го вечером с наступлением темноты, штабу дивизии 20-го.

Спешно пришлось уложиться, часть вещей отправить в Петроград, чтобы не брать с собой большого количества, что только бы стеснило передвижение. Накануне нашего выхода на нас было сделано нападение целой эскадры немецких аэропланов; мы открыли по ним ожесточенную пальбу, но, к сожалению, безрезультатно, они же успели сбросить массу бомб, причинив у нас немало потерь, жертв людьми было до 50. Одна бомба упала и разорвалась в саду против окон штаба, но как-то счастливо не попало к нам ни одного осколка.

Накануне выступления нашего штаба 19-го вечером в штабе корпуса был прощальный ужин отрядам Красного Креста – Гродненскому, Елисаветинскому и Пермскому, которые обслуживали наш корпус и с которыми мы расставались, перейдя во 2-ю армию из 10-й.

20-го в 9 часов утра вышел наш обоз. При себе я оставил только самые необходимые вещи, уложив их в кобуры седла и в маленький чемоданчик, который поручил шоферу. В 12 часов дня мы последний раз пообедали в роскошном замке Высоковщины и около двух часов дня двинулись в путь. Все были в бодром настроении, радостные – в этот день получена была депеша о взятии штурмом Эрзерума – этой неприступной турецкой крепости.

Начальник дивизии с командиром парковой бригады, начальником штаба и старшим адъютантом – поехали на автомобиле, а я с остальными чинами штаба, эскортируемый полусотней казаков верхом. Предстояло до ночлега сделать 20 верст. Погода была чудная, солнце ярко светило, это была просто чудная прогулка. Ночевали в дер. Осиновичи, куда приехали засветло, обоз уже там был. В этой деревне имел отдых в этот день один из наших полков, и как раз когда мы вступали, полк выходил. Я обогнал выходящие части, выехал в поле и пропустил мимо себя весь полк. Это была прямо красота, нельзя было без восторга смотреть на этих молодцов. Несмотря на тяжелый переход, они сделали ночью 35 верст, несмотря на плохой отдых днем в деревне, стрелки шли бодро, как на параде, и еще бодрее отвечали на мое приветствие и мое «спасибо за поход». Я приказал оркестру остановиться и весь полк продефилировал со всеми командами мимо меня под музыку.

Пропустив полк, я направился к деревне, где мне уже было отведено помещение вместе с Мещериновым, командиром артиллерийской бригады. Рядом за перегородкой жил техник, строивший мосты. Ночевать было довольно скверно – Мещеринов любил жару, я же ее не выносил, почему совсем измучился в духоте. Техник угощал нас блинами, но весьма неаппетитными, пришлось все-таки заставить себя съесть несколько.

Встал я на другое утро рано, т. к. совсем не мог спать, стал собираться в дорогу, предстоял трудный переход в 35 верст, а с заездом в Вилейку – и все 45. Выехали в таком же порядке как и накануне, я во главе чинов штаба и полусотни казаков, направление взяли на Вилейку. Ехать было трудно, снегу были целые горы, лошадь проваливалась по колесо, дорога при этом совершенно от прохода обозов и артиллерии была разбита. В Вилейке попали прямо к обедне, очень было приятно побывать в церкви и помолиться.

Здесь я узнал, что в самом городе стоит отряд Иверской общины Красного Креста – общины из Москвы, в которой я работал целый ряд лет, с сестрами которой ездил в качестве уполномоченного на театр греко-турецкой войны в 1897 году. Прослышавши о нашем приезде, две сестры пришли за мной в церковь, прося непременно их посетить. Я ужасно обрадовался увидев милые знакомые мне лица. Госпиталь их оказался очень близко, и я в сопровождении их отправился к ним, направив свой отряд на питательный пункт на ст. жел. дор. «Вилейка». Меня встретили как родного, все сестры, врачи – все были мне близкие знакомые, они не знали чем бы меня угостить и, в конце концов, я так плотно и хорошо пообедал, как давно не ел. Они мне показали все палаты, помещения персонала, все выглядело так чисто, уютно. Моей лошади тоже досталось угощение, каждая сестра непременно хотела сама дать кусок сахару, так что мой «Огонек», так звали мою лошадь, получил не менее полуфунта сахару. Меня провожали почти до самой станции, и все просили, чтобы я устроил их госпиталь при нашей дивизии.

На питательном пункте я нашел всех своих, и около 3-х часов мы двинулись в путь, рысью было трудно ехать, лошади вязли в снегу. Конечный наш пункт был в дер. Андрейки [Мядельский район, РБ], куда прибыли уже в темноту. Не доезжая дер. Андрейки я посетил расположение 3-х полков дивизии. Вскоре после нас прибыл и обоз, деревня эта была весьма невзрачная, всего домов 15–20, много домов было разрушено. Мне отвели избу семь аршин в квадрате, было довольно чисто и я мог устроиться очень уютно. В другой половине избы жили хозяева, к ним поместились мои вестовые. Я проверил по часам, сколько времени мне надо для сборки вещей и для разборки. Оказалось, вполне достаточно часа на сборку и два часа на разборку. Спал я первую ночь плохо, с не привычки на новом месте, а кроме того я сильно переутомился – ведь пришлось за два дня верхом по плохой дороге проехать 70 верст.

На другой день я с утра занимался с начальником дивизии, а после обеда поехал с ординарцем начальника дивизии Хрипуновым – очень милым дельным и серьезным офицером – на ст. Кривичи [Мядельский район, РБ]. Мне хотелось установить чрез жандармов связь с Петроградом, а также посетить другой Иверский госпиталь, помещавшийся при станции в шатрах. Повидав сестер и врачей, напившись у них чаю, мы отправились обратно в дер. Андрейки, но дорога была столь разворочена обозами, что мы с трудом ехали в санях, проделав путь в 15 верст в два часа времени. Вернувшись к себе, получили приказание командира корпуса отправиться на рекогносцировку одной местности с двумя офицерами и взводом казаков. Я был очень рад этому поручению, мне была дана задача обследовать все дороги в данной местности,

отстоявшей от дер. Андрейки в 20 верстах, выяснить количество дворов, землянок в населенных пунктах и выяснить удобные позиции с наибольшим обстрелом.

Выехал я 24-го февраля в 8 часов утра верхом и успел все сделать к вечеру, пройдя верхом 54 версты. Первый привал мы сделали в 2 часа дня в дер. Королевцы, где имелся питательный пункт. Погода благоприятствовала, было тихо и ясно. Лошадь моя совершила эту поездку легко, но я устал порядком, а надо было еще написать донесение. На другой день, в 10 часов утра, я представил его начальнику дивизии. Привожу его целиком:

«24 февраля 1916 г. 10 час. вечера. № 16

Начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии

Дер. Андрейки

Доношу: мною согласно приказания командира корпуса обследована местность Королевцы – Дворжец, Колодки – Зеленый Остров и дорога, ведущая к этому району от дер. Андрейки.

1) Дороги: от Андрейки до сел. Узлы [д. Узла, Мядельский район] дорога снежная, местами занесена, но проезд совершенно легок и для автомобиля, мост чрез р. Узлянку очень хорош и солиден. От Узла до Заозерья дорога такая же, на перекрестках дорог в лесу не имеется указателей дорог, что затрудняет ориентировку, тем более, что дорог в лесу много по всем направлениям, а на карте их нет, иногда более наезженная дорога ведет просто в лес, куда ездят за дровами, а дороги менее наезженные к населенному пункту, что сбивает. От Заозерья до Зеленого Острова картина та же, дорога в очень хорошем состоянии сейчас (за исключением части по выезде из Заозерья) и может служить удобным передвижением войск любого оружия, т. к. совершенно укрыта и кроме того перерезана лощинами, что еще более укрывает движение.

От Зеленого Острова к волостному правлению, и далее по берегу р. Нарочь к заднему бору – мост чрез р. Нарочь требует капитального ремонта, весной при разливе может быть снесен, перила обломаны, неустойчивы, построен горбом. В настоящее время ездят по льду и редко кто по мосту. Дорога по берегу Нарочь очень удобная, снег укатан, идет по сосновому бору, совершенно укрытая, вначале только дорога перерезана вновь строящимися землянками. Дорога от Заднего бора к д. Дворжец [д. Дворец, Вилейский район], а также к дер. Пукелы и Застены для движения сейчас затруднительны из-за массы снега, весной будут вероятно не проезжие, судя по тому, что в поле всегда лед – очевидно во время таяния площадь была залита водой, близ же дороги кое-где собраны камни, что доказывает, что дорогу по болоту укрепляли от Застены на Ижу [д. Ижа, Вилейский район] – дорога широкая, удобная, а далее на Утки, Любки, Королевцы также вполне удобные для передвижений всех родов оружия. От Ижи на Колодки прямо дорога наезжена и никаких неудобств не представляет, от Утки и на Колодки до того завалена снегом, что передвижение даже пехоты крайне затруднительно.

По дороге от села Королевцы [д.Королевцы, Вилейский район] на Стебераки [д. Стебераки, Вилейский район] и Андрейки мною был обследован лес к востоку от Королевцы. Оказалось, что карта не соответствует своими деталями настоящему положению, и потому по карте ориентироваться трудно, к тому же на карте обозначено очень мало дорог, тогда как на самом деле дорог в лесу много, указателей нигде на перекрестках нет, и потому единственный способ, чтобы не сбиться с пути – двигаться не по карте, а по компасу, пользуясь картой для общего направления. Мною лес был пройден в разных направлениях, и выехал я южнее ф. Рудня на большую дорогу из Вилейки на Тамуть [д.Талуть, Вилейский район]. Для передвижений узкими колоннами по всему лесу дороги вполне удобны в настоящее время, снегу немного. От ф. Рудня до поворота на Стебераки и далее на Андрейки дорога в настоящее время в отличном состоянии, но на большаке у ф. Рудня чрез р. Рудня мост совершенно неудовлетворяет своему назначению, даже не хватает на настиле досок, перила поломаны.

2) Населенные пункты:

Дер. Заозерье. 9 дворов, 22 дома, 11 землянок на 10–15 человек каждая, 2 – от 40 до 50. Землянки очень хорошие, конюшен много и кроме того имеется навес, устроенный для 100–150 лошадей.

В настоящее время квартируют части обоза II-го разряда 98-го пехотного полка 25-й дивизии 36-го корпуса, собирается уходить, обоз II-го разряда 99-го полка 25-й дивизии 36-го корпуса, уходит в д. Застены. Воды достаточно.

Дер. Зеленый Остров. 12 дворов, имеется много землянок, но небольших, батальон в нем размещается свободно. В 1 версте к северу строятся 48 землянок. Местность низкая, полагаю, весной будут залиты. Квартирует один б-н 271-го Красносельского полка и занимает землянки. Волостное правление – помещается «Северо-помощь», выдача пайка беженцам.

Дер. Задний бор – несколько сараев и три землянки, помещается воздухоплавательный взвод. Рядом с этими землянками имеется рядом с дорогой от Ижи по берегу р. Нарочь 61 землянка-конура без дверей и окон на 5-10 человек каждая. Возле же Ижи у р. Нарочь строятся сейчас и будут готовы чрез 4 дня чудные землянки, каждая на роту 250 чел., всего землянок на два полка 4-х батальонного состава, землянки эти роскошные, светлые, на хорошем песчаном грунте в сосновом лесу.

Дер. Дворжец. 22 двора, 4 землянки небольших. В настоящее время находятся обозы 3-й роты саперного б-на 36-го корпуса; одна рота Красносельского полка 68-й дивизии; 2-й взвод 2-й саперной роты.

Дер. Людиль. 2 двора околдовок 22-й воздухоплавательной роты.

Ф. Людимы. Часть 22-й воздухоплавательной роты.

Дер. Грелки – 10 домов, дер. Пукелы – 8 домов и дер. Застены – 28 домов. Эти три деревни составляют одну. В них расположены очень тесно одна дружина, три роты Красносельского полка 68-й дивизии и обозы II-го

разряда всех полков 25-й дивизии. Халупы очень плохие, имеются два-три дома порядочные, в одном живут офицеры. Кроме того, эти деревни наполнены беженцами, и потому все набито. Имеются землянки – конуры на 8-10 человек, и еще строят.

Дер. Ижа. Домов 57, дворов 84. Землянок имеется на два б-на. Квартируют части 68-й дивизии – 2 б-на; 1-я рота 30-го саперного б-на 36-го корпуса, штаб 271-го Красносельского полка, 36-й мортирный парк с управлением, околотком и обозом; перевязочн. пункт Красносельского полка. Кроме того, разные гражданские учреждения «Север-помощь», гидротехники, инженеры и др. Более половины села сожжена, потому по карте число дворов не сходится.

Дер. Утки. 18 дворов. Имеются хорошие землянки на 600 чел., но, собственно говоря, можно разместить не более 450 человек. Квартируют: 3-й парк 10-й парковой бригады 5-го корпуса, 1-й парк 25-й парковой артиллерийской бригады 36-го корпуса. Лошади только одного парка в конюшнях, остались на воздухе. Воды нет, возят из м. Ижа.

Дер. Колодки. 32 дома, землянки имеются пять на 50 каждая, строят еще пять. Квартируют – управление 10-й артиллерийской бригады, 188-я Тамбовская дружина (200 чел.); ожидают еще прибытия дружины в 1300 чел.

Дер. Любки – 52 двора. Чудные землянки на целый полк, приступлено еще к постройке землянок. Квартируют – 270-й Гатчинский полк 68-й дивизии 36-го корпуса, 3-я батарея 68-й артиллерийской бригады, обоз I разряда, штаб 270-го Гатчинского полка. Воды достаточно. Был тиф.

С. Королевцы. 83 дома, 97 дворов. Землянки очень плохие, не оборудованы, сейчас поправляют, строят новые. Квартируют – 37-й конно-саперный транспорт Красного Креста, Белостокский госпиталь на 200 кроватей, питательный пункт Красного Креста, 3-й парк 1-й артиллерийской тяжелой бригады (головной взв.); штаб 188-й Тамбовской дружины и 1-я рота дружины Управления уполномоченного Красным крестом 2-й армии.

Белостокский госпиталь и питательный пункт в шатрах, персонал в деревне.

3) Позиция, укрепления, рельеф местности.

Проехав 34 версты от с. Узлы в сторону Заозерья: укрепленная позиция, окопы, построенные основательно, глубокие с траверсами, впереди проволочные заграждения в три кола.

Не доезжая Зеленого Острова вправо и влево от дороги окопы.

1. Окопы очень хорошие с блиндажами, козырьки устроены очень солидно, впереди небольшие завалы.

2. Окопы без козырьков, стены укреплены плетнями, обстрел до 400–500 шагов.

3. Окопы слабые, носят характер спешной работы. Все занесены снегом. У дер. Болотки. С восточной стороны не доезжая $\frac{3}{4}$ и 1 версты до дер. располагаются 4 самостоятельные окопа.

Все окопы без козырьков, устроены на возвышенные места, но только окопы 1 и 2 имеют слишком малый обстрел, кустарники в 80 шагах и будут служить хорошим подступом к позиции. Обмером 3 и 4 хороши.

У самой дер. С востока имеются тоже окопы, тянутся на юг до дер. Любки и далее на север сколько видит глаз. Окопы без козырьков, но стены укреплены плетнями. Впереди окопов проволочные заграждения в три кола. Высота кольев 2 четверти. Как деревня, так и позиция в котловине, местность впереди лежащая командует.

Местность на западе от Ижы Затены – Дворжиц. Местность эта совершенно открытая на западе сильно поднимается. От дороги Дворжец – Ижа виден на расстоянии ½ версты лес, западнее от дороги не виден, скрывается возвышенностью. При въезде на эту возвышенность открывается громадный горизонт, видны леса и возвышенности м. Пишнево, Осиновка, Стасино, которые по-видимому, доминируют, эти местечки не видны, но судя по расстоянию в виднеющемся лесе, должны быть они. Если стоять на этой возвышенности, на кот. Я выехал, и обернуться на восток, то видна еще дальше вся местность как на ладони.

Командир бригады

Свиты его величества

генерал-майор Джунковский».

«25 февраля 1916 2 часа утра.

Начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии

дер. Андрейки

В дополнение к донесению от 24 сего февраля за № 16 по собранным сведениям в канцелярии «Северо-Помощь» в м. Ижа население в настоящее время выселено из 3-х верст. района, считая от наших передовых окопов, все это население перешло на жительство в ближайшие деревни и местечки, так что население в них значительно увеличилось. К началу марта предстоит выселение жителей и из других еще деревень, но на это ожидается еще специальное распоряжение. Деревни мною обследованные выселению не подлежат.

Командир бригады

Свиты его величества

генерал-майор Джунковский».

26 февраля с начальником дивизии ездил в санях в дер. Слободку и Гарово [фольварок Гарово, не сохранился] осматривать места, предназначенные для полков 1-й бригады нашей дивизии. Сделали 25 верст, погода была не холодная, но сырая, пронизывало насквозь.

27 числа утром приехал к нам командир корпуса Трофимов, говорил о предстоящих военных действиях и участии в них нашего корпуса, приказал быть готовыми ежеминутно выступить. В 7 часов вечера, у начальника дивизии состоялось совещание с командирами полков, после чего они у нас остались обедать. На другой день я был у обедни в 29 полку, едва доехал до полка, свирепствовала сильнейшая вьюга. За обедней в этот день во всех полках стрелки приобщались святых тайн.

29-го прибыл новый начальник штаба подполковник Соколов, я с большим сожалением и грустью расстался с капитаном Радзиным – этим серьезным, дельным офицером. Соколов мне не понравился, произвел впечатление болтуна и только, таким он и оказался. Все чины штаба трогательно прощались с Радзиным, все его успели полюбить за его чистую прямую натуру. Только Редько – начальник дивизии почему-то не оценил его и они расстались холодно.

На другой день пришло приказание 1-й бригаде под командой начальника дивизии передвинуться в дер. Слободку, штабу дивизии в Гарово, 2-й же бригаде под моим начальством образовать особый отряд и поступить в непосредственное распоряжение командира корпуса, перейдя в дер. Любки в 20 верстах от дер. Андрейки.

Это известие мне было не особенно приятно, я мечтал попасть в боевую линию, а вместо этого очутился в резерве.

В этот день пришло известие, что государь посетил Думу, обратился с речью к депутатам, благодарил их за работу на пользу армии и их поддержку. Говорили, что это посещение состоялось вследствие настойчивой просьбы графа Фредерикса, это делает последнему честь. Но я лично считал, что реального это посещение принести ничего не могло, момент был пропущен, и оно не произвело того впечатления, на которое так рассчитывали все преданные престолу и Родине.

А через четыре дня, 26-го февраля, последовало назначение митрополитом Петроградским Питирима – ближайшего друга Распутина. Этот последний приобретал, таким образом, все больше и больше влияния. На всех назначение Питирима произвело угнетающее впечатление.

[...]

Назначение меня начальником особого отряда в составе двух полков в распоряжении командира корпуса

Но вернусь, однако, к своим обязанностям на фронте, когда 1 марта 1916 года я получил приказание с 2-мя полками дивизии – 31-м и 32-м Сибирскими передвинуться в дер. Любки и поступить в распоряжение командира корпуса. Отряд этот как самостоятельный официально назывался «отряд Свиты генерала Джунковского». За начальника штаба отряда мне дали старшего адъютанта штаба нашей дивизии капитана Афанасьева. Последнему обстоятельству я был чрезвычайно доволен, т. к. это был один из добросовестнейших работников нашего штаба, аккуратный, толковый, а главное, был мне очень предан и потому я был в нем совершенно уверен. Ординарцем ко мне был назначен 31-го полка прапорщик Глазунов – очень хороший офицер, скромный и дельный.

Пришлось расстаться с начальником дивизии, который ушел с 1-ой бригадой и артиллерией по направлению к озеру Нарочь, а я остался еще на

день в дер. Андрейки, выступив со своей бригадой только на другой день в 11 часов утра. Я лично выехал верхом около часу дня с начальником своего штаба, ординарцем и небольшим конвоем из казаков, обогнав на марше 31-й полк. Люди шли молодцами, бодро, как на параде. Часа в четыре мы уже приехали в дер. Любки – в назначенное место расположения моего отряда, расположились тесновато, т. к. к моей бригаде присоединили еще 26-й Сибирский полк 7-й Сибирской дивизии и дивизион артиллерии. Командир корпуса генерал Трофимов назначил меня начальником гарнизона всех войск, расположенных в этом районе. Лично я со своим начальником штаба поместился в маленькой халупе, весьма непрезентабельного вида, грязной, переполненной клопами. Весь первый вечер пошел на борьбу с ними, победа оказалась на стороне моих денщика и вестовых, которым удалось их преодолеть, и я мог спокойно лечь спать.

На другой день я обошел стоянки всех полков, говорил со стрелками, они все произвели на меня прекрасное впечатление своим добрым веселым видом, все они буквально рвались в бой и выражали надежду, что их скоро двинут.

Около семи часов вечера, когда я сидел у себя и знакомился с полученными сводками о расположении противника, раздался оглушительный взрыв. Я выбежал из халупы узнать, что случилось, и побежал по направлению взрыва, где видны были еще облака дыма. Оказалось, что во время перекладки ручных гранат в обозе 1-го разряда 31-го полка произошел взрыв, которым было убито трое нижних чинов и тяжело ранен инструктор, у него оказалось до 200 ран, при этом он потерял оба глаза.

Когда я подошел к месту взрыва, то невольно бросилось мне в глаза отсутствие старших должностных лиц, командир полка явился только после того, что я послал за ним офицера, а заведующий хозяйственной частью так и не поинтересовался узнать, что такое случилось у него в обозе 1 разряда; дежурный по полку совершенно растерялся и не принял никаких мер к ограждению места взрыва, бережной отправке тяжело раненного в приемный покой, вызову дежурной части и т. п. На мои вопросы он ничего ответить не мог, удивился моему приказанию вызвать дежурную часть и даже не знал, из какой она роты, т. к., как оказалось потом, назначенная на этот день приказом по полку для этой цели 2 рота отправлена была на работы в м. Королевцы. Дежурной части я так и не дождался, в течение целого часа она не явилась, а уходя уже, я встретил вместо нее трех стрелков со старшим из полкового караула.

Тела убитых были прибраны и перенесены только по моему приказанию, а для тяжело раненного не нашлось даже носилок и его перенесли на руках в околоток, отстоявший от места происшествия в полуверсте, причиняя ему невероятные страдания. В околотке я застал его сидевшим на каком-то сундуке, не было даже места, куда бы его положить, его придерживали, чтобы он не упал. Носилки даже тут появились только после моего приказания, доктор явился тоже после моего вызова.

Такова была печальная картина, которую я застал. Я был так возмущен, что только тогда успокоился, когда в приказе по гарнизону изложил свое отношение к проявленной начальствующими лицами 31-го полка халатности.

Представленное мне затем дознание, произведенное капитаном Никитиным, меня не удовлетворило, и я возвратил его обратно для пересоставления, донеся командиру корпуса следующее:

«4 марта 1916 г. 8 час. вечера.

*Командиру 3-го Сибирского армейского корпуса
дер. Любки.*

Вследствие личного приказанья Вашего представляю при сем допрос сапера подрывной команды по делу о взрыве бомбы в обозе 31-го Сибирского стрелкового полка 3 сего марта, что касается дознания, произведенного капитаном означенного полка Никитиным, то таковое я нашел совершенно неудовлетворительным и произведенным с крайней наивностью и потому не считаю возможным представить его без производства дополнительного дознания. В дознании капитана Никитина имеются только три показания, из коих только одно заслуживает внимания, т.к. в нем видно, что единственный не растерявшийся при взрыве, чудом уцелевший, т.к. находился рядом с убитым стрелком – это обозный рядовой Немержицкий. Означенный рядовой спас положение, тотчас бросившийся с опасностью для жизни тушить пожар, забросав снегом и грязью горевшие ящики. Полагал бы желательным наградить его медалью на Георгиевской ленте, о чем ходатайствую на основании §115 Статуса. В настоящее время выдал ему в награду 25 рублей.

*Свиты его величества
генерал-майор Джунковский».*

Я присутствовал при перевязке несчастного инструктора Дербышева. Он удивительно терпеливо переносил невероятные боли, не проронив ни стона, ни жалобы, говорил только: «Лишь бы глаза уцелели». Бедняга не знал, что их уже нет. Когда на другой день я его навестил уже в госпитале, он так трогательно меня благодарил за заботы и все спрашивал про глаза, которые были у него забинтованы, доктор мне сказал, что только через месяц его можно начать подготавливать к тому, что он не будет видеть, а пока надо скрывать. Его вскоре эвакуировали в Москву и по моей просьбе добрая великая княгиня Елизавета Федоровна взяла его к себе в приют для слепых воинов, где они были все окружены удивительной лаской и заботой. Он мне оттуда писал трогательные письма.

Приказ о наступлении

4-го марта, утром, торжественно хоронили тела убитых при взрыве, и в этот же день пришел приказ командовавшего армией генерала Рагозы, заменившего заболевшего Смирнова:

«Государь император повелел северному и правому флангу Западного фронта перейти в наступление. Во исполнение сего главнокомандующий приказал 5 марта ночью начать артиллерийскую подготовку и по мере ее успеха, вверенной мне армии перейти в наступление.

Государь император повелел, чтобы удар был решительным, произведен полной энергией и напряжением, оказывая взаимное содействие во фронтах и армиях. Приказываю группам изложенное исполнить, согласно моей директивы №1280.

Да благословит Господь начинания. С Богом вперед! Рагоза».

Командовавший группой, в которую входил и 3-й Сибирский корпус, генерал Балугев, объявляя этот приказ, прибавил следующее:

«Во исполнение сего приказа группы № 3, приказываю с рассветом 5 марта и до 7-ми утра закончить пристрелку не успевших пристреляться батарей 10-й тяжелой бригады по распоряжению начальников артиллерийских участков и в 7час. утра всей артиллерийской группе начать подготовку атаки всепокрушающим огнем. Балугев».

Затем была получена мной и телеграмма сего последнего:

«Командарм приказал сегодня дать всем бойцам полный отдых, дабы они имели возможность подготовиться к бою. Надлежит почиститься, помыться, постричься и приодеться (все это необходимо для благоприятного течения ранения), Богу помолиться и написать письма домой (это даст душевный покой). Всякие работы и занятия прекратить и никого не дергать. Балугев».

Первый раз мне приходилось читать приказ, призывавший к бою, относившийся ко мне; трудно описать чувство, охватившее меня. Какая-то гордость, счастье, величие момента, сознание серьезности его – все это вместе охватило меня. Послав за командирами полков и батарей, я прочел им приказ Балугева. Мы все перекрестились, и они отправились в свои части сообщить боевой приказ. Стрелки приняли весть с восторгом и воодушевлением и, я думаю, если бы нас двинули сейчас, то это наступление было бы столь стремительное, что никакие немецкие силы не выдержали.

Легли мы с начальником штаба в этот день около 12 часов ночи, но не спалось, думы о том, что скажет завтрашний день, куда нас двинут, не покидали нас. Да и трудно было бы спать, раза четыре в течение ночи ко мне приходил мой вестовой, принося срочные телефонограммы, приказания.

Начало боевых действий. Возвращение к дивизии

В 7 часов утра были разбужены грохотом орудий, хотя от позиций было не менее 15 верст. Этот грохот орудий означал начало ураганного огня по немецким окопам и резервам. Бесперывно гудели пушки, все сливалось в один оглушительный гул. В 12 часов дня 5-го пришло приказание выступить 26-му Сибирскому полку, а мой отряд так и не тронули до вечера. Вещи

наши были уже уложены, обоз был готов к выступлению по первому требованию, пришлось немного разложиться, чтобы улечься спать. Ночью получено было приказание произвести рекогносцировку одной позиции.

Я послал за командиром 31-го полка, приказав ему с рассветом произвести эту рекогносцировку. Днем 6-го марта я ездил в штаб корпуса, утешительного за первый день боя было мало. Что-то будет дальше, но уже и эти первые вести подействовали угнетающе. Опять, по-видимому, мало снарядов и патронов. Прошел томительный день, нас никуда не двинули, опять легли спать, ночью пришел приказ быть готовым к рассвету, но рассвет наступил, и только около 12 часов дня пришел приказ моему отряду вернуться в дивизию.

Сделав распоряжение полкам направиться согласно данному им каждому маршруту, я с начальником штаба и ординарцем верхом отправился в дер. Слободку, откуда, согласно полученного приказания, в Гарово в штаб дивизии, который в то время был размещен там, в лесу, в землянках. Надо было сделать верст 30, погода была туманная, стало таять, что сильно затрудняло передвижение, по дороге целые пространства были сплошь покрыты водой поверху льда и снега. Почему выбрали такое время для наступления, никому не было известно. С большим трудом добрался я до штаба дивизии. Меня очень радушно встретили, все уверяли, что страшно по мне соскучились. Я подробно доложил начальнику дивизии о днях, проведенных с бригадой в дер. Любки, затем весь вечер знакомился со всеми сведениями о неприятельских силах и расположении его частей и со всеми приказами и распоряжениями генерала Балужева, командовавшего группой, в которую входил и наш Сибирский корпус.

Инструкция генерала Балужева, данная им корпусам, гласила следующее:

«СЕКРЕТНО.

Инструкция группе корпусов генерала Балужева для перехода в наступление.

Настал решительный момент для всей группы показать всю свою мощь и силу дерзкому врагу.

На группу возложена решительная задача: разбить находящегося перед нею врага, прорвать его расположение и наступать до Варшаво-Петроградской железной дороги.

В том же направлении с фронта будет действовать такая же группа генерала Плешкова.

Группа для развития успеха будет усилена еще одним корпусом и казачьей дивизией.

Таким образом, в группе будет значительное превосходство в силах над противником.

Каждый из начальствующих лиц группы, до самого младшего, должен проникнуться важностью наступающего момента, не только для армии, но и для всей России, и помнить, что от успеха или неуспеха группы зависят

действия всего фронта. Поэтому все должны стремиться только к одному: во что бы то ни стало победить и уничтожить стоящего перед нами врага.

С рассветом назначенного дня до 300 орудий на фронте группы начнут усиленную подготовку атаки своим огнем. После этой подготовки пехота должна ворваться в окопы противника и уничтожить его там, – считаю этот момент самым важным; в дальнейшем остается гнать противника и не давать ему закрепляться на его тыловых позициях.

Передовая его линия крепка своими заграждениями, которые надо прорвать во что бы то ни стало. Одна артиллерия навряд ли будет способна разрушить и порвать проволочные заграждения так, чтобы вполне облегчить проход через них пехоты. Поэтому последняя в ночь перед переходом в наступление, от полков, назначенных идти в атаку, должна выслать сильные команды охотников с ножницами и удлиненными пироксилиновыми зарядами и к рассвету прорвать перед фронтом полка в возможно большем числе мест проволочные заграждения и в назначенные места поднести маты. После подготовки атаки огнем пехота должна лавиной обрушиться на противника, чтобы смести все, что будет находиться перед нею. Для этого частные резервы до дивизионных включительно должны следовать близко от передовой линии, чтобы вслед за передовой линией, не давая опомниться врагу, гнать его и на его плечах врываться в его дальнейшее расположение.

Ближайшие цели 5-му и 36-му корпусам даны в приказе группе №3. Приказ этот дан в расчете, что противник будет оказывать сильное сопротивление. Но, во всяком случае, каждый начальник в зависимости от обстановки должен развивать свой успех в исполнение поставленной группе задачи, проявляя в полной мере свою инициативу.

Главное сопротивление противник будет оказывать своей артиллерией. Поэтому одним из главных стремлений нашей артиллерии и пехоты должно быть уничтожение его артиллерии, а посему частям, преследующим противника, обязательно доходить до его артиллерии, преодолевая все препятствия.

С момента начала подготовки атаки огнем половина корпусных и бригада группового резерва должны быть в полной готовности перейти в наступление по первому приказанию, а когда передовые линии двинутся в атаку все резервы должны быть в такой же готовности.

Артиллерия, с момента перехода в атаку, немедленно должна поддерживать пехоту, выездом вперед. Поэтому в 5-м корпусе с этого момента вся легкая артиллерия переходит в полное подчинение своих начальников дивизий. В том же корпусе мортирная и тяжелая артиллерия занимает новые позиции по приказанию инспектора артиллерии.

Командиру 36-го корпуса и инспектору артиллерии 5-го корпуса иметь в виду, что при наступлении 3-го Сибирского и 35-го армейского корпусов их мортирные дивизионы должны быть присоединены к корпусам при первой возможности.

Всю свободную корпусную конницу в корпусах сосредоточить при корпусных резервах, и в 5-м корпусе командиру 2-го Астраханского казачьего полка быть в тесной связи с начальниками 7-й и 10-й пехотных дивизий, чтобы оказать им помощь по первому их требованию.

В дальнейшем, по сбитии противника с его позиций, предполагаю немедленно же развивать успех 5-м и 3-м Сибирским корпусами и групповой кавалерией, на что будет отдано особое приказание. При этом 36-му корпусу одной дивизией – против позиции по р. Спягице и между озерами Вишневским и Свирь, другой дивизией двигаться уступом за левым флангом 3-го Сибирского корпуса, все время обеспечивая левый фланг группы.

Связь между корпусами, мной, между начальниками дивизий и командирами корпусов не должна прерываться ни на минуту. Только при этом условии возможна своевременная подача помощи и развитие успеха передовых линий.

Я уверен, что все начальники примут все меры, чтобы оправдать то доверие и надежду, которые возлагает на войска группы наш верховный вождь, главнокомандующий фронта и командующий армией.

*Подписал: командующий группой,
генерал от инфантерии Балугев».*

Прибывший со мной 32-й полк был сразу направлен на позицию, где уже стоял 29-й, так что в боевой линии от нашей дивизии к вечеру 8-го марта находилось два полка. Другие два: 30-й и 31-й составляли резерв. Справа от нас стояла 7-я Сибирская дивизия, правее которой уже армейский корпус, составлявший правый фланг войск западного фронта, далее стояли уже войска северного фронта (группа генерала Плешкова). Слева наша дивизия примыкала к частям 36-го армейского корпуса. За нами стоял 35-й армейский корпус в виде резерва всей группы.

Наступление это было приказано с целью поднять общее настроение как на фронте, так и, главным образом, внутри России. Войскам было приказано по подготовке атаки ураганным артиллерийским огнем стремительно атаковать противника и, прорвав его фронт по направлению на Свенцяны, двинуться в Виленском направлении. Нашей группой, в которую входили 5-й и 35-й армейские и 3-й Сибирский корпуса и составлявшие 2-ю армию, за болезнью генерала Смирнова, командовал командир 5-го корпуса генерал от инфантерии Балугев. Это было большой ошибкой, что для командования группой не было назначено особое лицо, т.к. генерал Балугев, как командир одного из корпусов группы, невольно обращал наибольшее внимание на войска своего корпуса, стараясь поставить его в более выгодное положение, более заботясь о нем и вообще проявив некоторое пристрастие, что не могло остаться незамеченным и производило развращающее действие на остальные войска группы.

Почему было выбрано Виленское направление в местности, покрытой болотами, через которые можно было проходить только по узким гатям, почему наступление было назначено в самое отчаянное, по

погоде, время, я не знаю, но, конечно, успеху способствовать это не могло.

В первый день наступления 5-му корпусу удалось прорвать три линии немецких позиций, две дивизии этого корпуса действительно молодецки со всей стремительностью атаковали немцев, захватив несколько тысяч пленных, но они не могли укрепиться на занятых ими участках, т.к. тыл их не был обеспечен, наш 3-й Сибирский корпус Балуев держал слишком далеко и он не мог вовремя поддержать 5-й корпус.

Момент был упущен, и при бешеной контратаке немцев войска 5-го корпуса должны были отхлынуть. Тогда поправлять положение двинули наш корпус, слив его в боевую линию. Но было уже поздно, немцы спешно стали подвозить укрытия и принимать меры к недопущению прорыва.

Все 8-е число мимо нас проходили пленные немцы, среди них было и много гвардейцев, прекрасно одетых.

Мое назначение начальником передовой боевой линии

К вечеру 8-го числа выяснилось большое неудобство управлять боевой частью из штаба дивизии, который по причине непроходимых болот размещен был за гатями, ведущими к передовой линии, в верстах 8-ми от этой последней, особенно при наступлении, которое должно было начаться в ближайшие дни. **Начальник дивизии поручил мне отправляться к передовой линии и взять на себя командование боевой частью 29-м и 32-м полками, дав указание расположиться для удобства управления в блиндаже командира 32-го полка при господском дворе Стаховцы, других никаких помещений и землянок в районе боевой части не имелось, строить же было поздно, а кроме того мне представлялась возможность для связи со штабом дивизии пользоваться полковой.**

Я был очень смущен этим назначением, тем более, что меня отпускали одного, только с ординарцем, капитана же Афанасьева не дали мне, он был нужен штабу. Это последнее обстоятельство меня сильно огорчило, и я выехал верхом с ординарцем поручиком Хрипуновым и вестовым к месту моего назначения, не без сознания огромной ответственности.

До господского двора Стаховцы надо было проехать 8 верст, из коих 4 версты по гати через болото. Погода была отчаянная, дорога тоже, пришлось ехать шагом. Ординарцы у меня сменялись каждый день, это были офицеры штаба – Хрипунов, очень дельный офицер, уже немолодой, из запаса, толковый, образованный, с которым я очень подружился, Василенко – молодой офицер крайне симпатичный, высокопорядочный, и Редько, сын начальника дивизии, совсем мальчик, очень воспитанный, милый.

Прибытие в передовую линию, вступление в командование

Поздно вечером я добрался до г. дв. Стаховцы, от которого оставались одни воспоминания, все было снесено артиллерией. Тут же находился и блиндаж командира 32-го полка, в котором мне суждено было прожить 9 дней непрерывных боев. Блиндаж этот представлял собой землянку, вырытую в земле, без окон, с одной выходной дверью в ходы сообщения.

Для ограждения от разрушения он покрыт был тремя рядами толстых бревен и 1500 мешками, наполненными землей и песком. Такая крыша выдерживала при попадании тяжелого снаряда-чемодана, как их называли, и только два таких снаряда один за другим могли разрушить блиндаж. Размер внутри был 4 на 5 аршин, высота его была такая, что я мог стоять в папахе, не сгибая головы, причем верх папахи касался потолка. Когда же я оставлял этот блиндаж, то уже не мог стоять во весь рост, от попадания снарядов в крышу весь блиндаж как-то осел в землю.

В блиндаже все 9 дней помещались, кроме меня и моего ординарца – командир 32-го полка полковник Костяев, полковой адъютант и при телефоне два телефониста из нижних чинов. Костяев, с которым я тогда был еще мало знаком, т.к. он недавно только получил полк, показался мне очень дельным и симпатичным, и мы с ним прожили дружно, но потом, когда я его узнал ближе и раскусил, то мог дать ему настоящую оценку. Это был заурядный офицер Генерального штаба, большой рекламист, умевший очень ловко втирать очки, доверия большого не заслуживал, как боевой офицер был из средних, в серьезные минуты не терялся и потому был мне действительным помощником во время этих страдных боевых дней. Полковой адъютант, фамилию которого сейчас не могу припомнить, был прямо выдающимся офицером, и по знаниям, и по храбрости.

Все 9 дней я ни разу не прилег, просидев на стуле, выходя из блиндажа ненадолго, чтобы обойти передовую линию, посетить батарею, побывать на наблюдательном пункте или встретить проходившие на смену части, подбодрить их, утешить, поддержать раненых, которых проносили мимо или которые ковыляли сами, направляясь на перевязочный пункт, находившийся в версте за моим блиндажом. Многие из них не доходили до него, т.к. приходилось почти все время идти под непрерывным огнем противника. Немцы, по несколько раз в день, осыпали нас снарядами, а иногда и пулеметным огнем, до их позиции было не более 1–1 ½ версты, иногда они пускали снаряды с формалином, вызывающие сильное слезотечение и тошноту, это было очень противно.

Перевязочный пункт 8-й Сибирской дивизии в фольварке Гарово. Март 1916 года.

Недалеко от блиндажа была лощина, через которую дорога вела в дер. Стаховцы и которую никак нельзя было миновать, чтобы пойти или на батарею или в резерв. Эту лощину называли «долиной смерти», т.к. немцы ее засыпали каждый раз, как только начинали стрелять, сотнями снарядов, и редко удавалось какому-нибудь смельчаку пройти безнаказанно. На ночь я устраивался на своем же стуле, предварительно надев всю амуницию и закутавшись в бурку для тепла поверх шинели, принимая наиболее удобную позу, чтобы можно было подремать. Редко проходила ночь без тревожных телефонных звонков, приходилось подходить к телефону, причем каждый раз обязательно я стучался головой о перекладину. Когда начинался обстрел, то невольно приходилось прислушиваться, немцы стреляли методично и аккуратно, бывало, что они обстреливали одно место, чаще всего «долину смерти», шагах в 50 от блиндажа, тогда они лупили все в одно место, так что я даже раз вышел из блиндажа и сфотографировал несколько взрывов их снарядов, очень удачно. Но иногда они начинали стрелять от дер. Стаховцы на наш двор и далее к окопам. Это бывало всегда жутко. Чувствовалось, как снаряды постепенно приближались к блиндажу. И вот ждешь, хватит или нет? Вот всего в 15 шагах с остервенением разрывается тяжелый 8-ми дюймовый снаряд, блиндаж вздрагивает, ждешь очередь за блиндажом, но снаряд падает уже на другую сторону – значит миновало. За все 9 дней было три попадания в блиндаж – это было очень неприятно, т.к. невольно ждешь после этого

второй снаряд, а если бы два-три снаряда попали в блиндаж один за другим, то от него осталось бы одно воспоминание. Но все три попадания были единичные и после них тотчас чинили крышу, прибавляли мешки с песком. Так мы и прожили все девять дней, обед мне привозил казак из штаба дивизии по вечерам с наступлением темноты, чай у меня был с собой. Кипятили воду в котелках. На другой же день мне было приказано овладеть лесом, занятым противником, и выйти на его опушку, дабы затем, подготовив атаку артиллерийским огнем, атаковать главную позицию немцев.

Разрыв снаряда в «Долине смерти». Снимок сделан В.Ф. Джунковским. Март 1916 года.

Первая задача была выполнена моими двумя полками, несмотря на тяжелые условия и отчаянную погоду, с полным успехом, так что я получил благодарность от командующего армией и 75 георгиевских медалей для раздачи стрелкам.

Выполнение первой задачи началось в ночь на 10 марта, с 3-х часов ночи. К 9-ти утра задача оказалась уже выполненной. Привожу ряд донесений начальнику дивизии, за 10 и 11 марта, которые передавались по телефону:

«10 марта 1916 г. 3 час. 15 мин. №23

Начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии

г. дв. Стаховцы.

Наступление началось в 3 часа ночи двумя колоннами: справа 32-й полк, три батальона первой линии, один резерв, слева 29-й полк, один батальон в передовой линии, один в резерве. Граница колонн дорога из г. дв.

Стаховцы на Мокрицу. Разведка леса выяснила, что в лесу находились сторожевые части противника; северная часть леса непосредственно примыкает к тыловой позиции противника, западнее леса замечено укрепленная линия противника, силу ее определить точно не удалось, т.к. разведчики были встречены сильным огнем.

Подчиненную мне артиллерию шести батарей 8-й Сибирской и 10-й дивизий расположены в районе Стаховцы и объединены под начальством подполковника барона Роопа. Горную батарею перевел в район 29-го полка в лес для фланкирования укрепленной позиции, обнаруженной западнее леса. Связь правого нашего фланга с Екатеринбургским полком, сменившим Тобольский, установлена, я вошел в связь с генерал-майором Надежным. Один батальон 30-го полка находится в г. дв. Стаховцы, к нему подходит другой батальон, вероятно через час будет здесь и потом оба батальона составят мой резерв.

*Свиты его величества генерал-майор
Джунковский».*

«10 марта 1916 г. 4 час. №24

*Начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии
г. дв. Стаховцы.*

Наступление продолжается, батальоны вошли в лес и частью уже выходят под прикрытием разведчиков на западную окраину леса. Соседи справа двигаются. Противник молчит.

*Свиты его величества
генерал-майор Джунковский».*

«10 марта 1916 г. 5 час. №25

*Начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии
г. дв. Стаховцы.*

Полковник Изюмов прибыл сюда, согласно приказа по дивизии №16, два батальона моего резерва находятся здесь. На основании же приказаний Вашего, переданного капитаном Афанасьевым, полковник Изюмов вернулся в расположение штаба своего полка, начальником же моего резерва назначил капитана Дроздова, а заместителями моими, в случае моего выбытия из строя, полковника Костяева и полковника Корсака.

29 полк прошел лес и вышел на западную опушку, выровнявшись с 32-м полком, выслав вперед разведчиков к укрепленной позиции. 32-й полк занял весь северо-запад опушки. Правый фланг прикрыт уступами. Противник еще не нащупан, стрельбы с его стороны нет.

*Свиты его величества
генерал-майор Джунковский».*

«10 марта 1916 г. 9 час. №27

*Начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии
г. дв. Стаховцы.*

Наступление вверенного мне участка, около 7 час. утра, было приостановлено сильным ружейным и пулеметным огнем с укрепленной позиции противника, обращенной фронтом на восток и соединяющей

главную позицию противника с его тыловой, западнее леса. Наши передовые части местами дошли до проволочных заграждений и стали резать проволоку рогаток, неся большие потери, преодолеть их не могли. Правый фланг участка стал обстреливаться с высоты, что севернее высоты 92, фланговым ружейным и пулеметным огнем, что также воспрепятствовало продвижению цепей вперед. В настоящее время, 32-й полк закрепляется на севере и северо-западной опушке леса, имея часть людей под проволочн. заград. 29-й полк (2 б-на) находятся впереди леса на запад в сторожевых окопах противника, занятых им с боя. Находящиеся впереди части несут большие потери, особенно от флангового огня с укрепленной высоты тыловой позиции, с которой простреливается весь мой участок. Эта высота является в настоящее время главным клином всей операции и только взятием ее может быть обеспечен дальнейший полный успех. Атаковавшие эту высоту части 10 дивизии находятся в полуверсте от 32-го полка, фланг которого обеспечивается уступами. Для руководства работами по укреплению занятой позиции выслал взвод сапер. Для окончательного выяснения настоящего положения высланы офицерские разведки.

Горная батарея до сих пор не встала на указанную ей позицию, т.к. не могла пройти по сильно обстреливаемой дороге у Стаховцы и должны были повернуть круглым путем через Гарово-Зеноново, чтобы выйти в лес южнее госп. дв. Стаховцы для обстрела фланговым огнем позиций противника, мешающих движению наших частей.

Свиты его величества

генерал-майор Джунковский».

«10 марта 1916 г. 1 час. 25 мин. №28

Начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии

г. дв. Стаховцы.

Препровождаю при сем схему расположения пехоты правого боевого участка вверенной мне группы и доношу, что две легкие батареи б-я 8-ой Сибирской и б-я 10-ой дивизий находятся в районе дер. Стаховцы, а горная батарея должна расположиться в лесу южнее госп. дв. Стаховцы. Правый фланг, отстоящий от 10-й дивизии в 600–700 шагов, обеспечивается командой разведчиков и уступным расположением резервов. По соглашению с генерал-майором Надежным Екатеринбургский полк подастся несколько влево. На сегодня дана задача по закреплению на занятых местах. При продолжении наступления полагал бы двигаться лишь левым флангом до изгиба леса, оставляя правый фланг на месте до взятия укрепленной высоты восточнее леса. Беспокоит меня в настоящее время, что горная батарея до сего времени не встала на позицию, полагаю, что она еще в пути. Легкая в районе Стаховцы едва ли может вполне выполнить свою задачу, т.к. не имеет бокового наблюдательного пункта на опушке леса, а только южнее госп. дв. Стаховцы, на что я обратил внимание командира батареи. Выбор дополнительных наблюдательных пунктов затрудняется отсутствием офицеров, в одной батарее всего один офицер в чине прапорщика.

Свиты его величества

генерал-майор Джунковский».

«10 марта 1916 г. 3 час. №29.

Начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии

г. дв. Стаховцы

При атаке позиций противника 29-го полка захвачено 12 пленных, препровожденных в штаб распоряжением полка. Прошу сообщить показания этих пленных относительно сил немцев, их местонахождения и резервов, а также понесенных ими потерь. В лесу немцами при отступлении брошено много разных предметов снаряжения – боевых патронов, разного белья и теплых вещей – к сбору всего этого будет приступлено вечером.

Свиты его величества

генерал-майор Джунковский».

«10 марта 1916 г. 8 час. №31.

Начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии

г. дв. Стаховцы

Около 7 часов вечера противник повел ураганный огонь тяжелыми снарядами по расположению 32-го и 29-го полков и вместе с тем открыл сильный ружейный и пулеметный огонь. Замечено было движение небольших частей противника от госп. дв. Мокрицы к правому флангу 32-го полка и левому флангу 29-го полка. Истинных намерений противника не удалось узнать, полагаю, что это была демонстрация или вызвано было оно шевелением на нашей позиции (отходом зарвавшихся стрелков), что противник мог принять за желание продолжить атаку.

Свиты его величества

генерал-майор Джунковский».

«10 марта 1916 г. 8 час. 30 мин. №32.

Начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии

г. дв. Стаховцы.

Высланная ночью вперед разведка подтвердила, что впереди леса у противника позиция укреплена проволочными заграждениями и рогатками на всем фронте. Противник вел себя тревожно, освещая нас все время прожектором и ракетами и имея сам впереди окопов небольшие партии разведчиков, которые спешно отступали при малейшем приближении наших. Всю ночь немцы укрепляли свои позиции.

Свиты его величества

генерал-майор Джунковский».

«11 марта 1916 г. 9 час. утра. №33.

Начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии

г. дв. Стаховцы.

Около 7 час. утра противник повел наступление небольшими частями на центр 32-го полка. У дер. Мокрицы и госп. дв. были замечены движение патронных двуколок и групп всадников. Наступление противника носило явно демонстративный характер, т.к. одни немцы направлялись вперед, другие назад. Все эти демонстративные действия были быстро разгаданы

стрелками, а удачными попаданиями в госп. дв. Мокрицы скопившиеся группы немцев были разогнаны. Сейчас затишье.

*Свиты его величества
генерал-майор Джунковский».*

В этот день 11 марта была сильнейшая снежная метель, во время которой было заметно, что немцы усиленно укрепляли свою позицию против моего правого фланга.

В 12½ час. дня немцы открыли сильный огонь тяжелыми снарядами, как по нашей передовой линии, так и по госп. дв. Стаховцы, огонь продолжался без перерыва три часа. Потерь за 10 и 11 марта в полках было до 800 человек. В артиллерии и горной батарее нижних чинов ранено было 3, лошадей убито 11, ранено 14. В ночь с 10 на 11-ое число по приказанию начальника дивизии 29-й полк был заменен 30-м, мне это было крайне неприятно, т.к. из 4-х полков дивизии это был слабейший и командир полка полковник Изюмов был далеко не боевой офицер, тогда как командир 29-го полка Басов был один из лучших, прямой, высокой степени порядочный, боевой, прошедший всю свою службу в доблестных кавказских войсках, унаследовав их традиции.

Уходя от меня с полком, он прислал мне полевую записку, благодаря которой я мог принять некоторые зависящие от меня меры для упорядочения дела. Мне лично, как совершенному новичку в бою, было очень трудно все предусмотреть, и я был искренно ему признателен за откровенно высказанное мнение. Его записка была следующего содержания:

«Секретно.

11 марта 1916 г. 11 час. утра. №529

Свиты его величества генерал-майору Джунковскому

Исключительно в интересах службы вообще, а в частности успеха нашей дивизии, долгом считаю доложить о некоторых крупных дефектах, отмеченных мной за 5-ти дневные бои 29-го полка совместно с другими.

Связь телефонная и живая ниже критики (говорю обобщая). Во время наступлений нельзя добиться толку нигде: все говорят, все шумят, друг друга перебивают, в линии (в целях экономии) включаются посторонние части; участковые батареи совершенно изолированы от начальников участков; провода рвутся часто, исправляются часами; живая связь – номинальна. Телефонные аппараты видимо испортились. Телефонисты неопытны, а некоторые никуда не годны.

Просьба к артиллерии поддержать или игнорируется, или запаздывает, или стреляют по своим. Есть пример очень прискорбный. Разведка неудовлетворительна, большей частью фиктивна, разноречива. Ночное охранение не бдительно. Пойманный в районе 4 б-на 29-го полка шпион ведь прошел по всему фронту, возможно от оз. Нарочь до нашего левого фланга. Боюсь, не отпустили ли его в дивизии?

Положительно «мы» не умеем скрывать себя; лес, где сосредоточены штабы и, кажется, 31-й полк с утра до вечера полон дыма. Прекрасная цель.

Части разрываются: в одном месте 29-му полку пришлось израсходовать 93 человек, чтобы связаться с соседом. Особенно важен факт, что по каким-то необъяснимым причинам телефоны рвутся ночью. Явление чревато последствиями.

*У себя – устраню все подмеченные недочеты.
Командир 29-го Сибирского стрелкового полка
полковник Басов».*

В штабе 8-й Сибирской дивизии. Слева на право: начштаба Н.Н. Соколов, В.Ф. Джунковский, за столом сидят начдив генерал-лейтенант А.Е. Редько, адъютант капитан А.В. Афанасьев. 1916 год.

В ночь с 11 на 12-ое я ночевал в штабе дивизии, куда меня вызвали для получения дальнейших инструкций своих действий. Я нашел это весьма неосторожным, но не мог не исполнить приказания. Сдав командование полковнику Изюмову, как старейшему, я приехал в Гарово и, получив все инструкции и приказы и поделившись с начальником дивизии своими впечатлениями и сомнениями, рано утром 12 вернулся в свой блиндаж. Приказ по дивизии, переданный мне, гласил следующее:

«Секретно.

11 марта 1916 г. 11 час. 45 мин. вечера. №19

Приказ 8-й Сибирской стрелковой дивизии

ф. Гарово.

Ввиду снежной метели, а затем наступившей мглы, препятствовавших стрельбе артиллерии, командующий группой приказал атаку отложить на ночь с 12 на 13 марта.

Приказываю сегодня с вечера и завтра с рассветом на всем фронте дивизии произвести тщательную разведку позиций противника, беспокоить его высылкой разведочных партий и огнем артиллерии, мешая работать по исправлению разрушенного нами за день. Особое внимание обратить на разведку в направлении на д. Мокрицы. С 7 утра 12 марта приказываю начать методичную подготовку атаки огнем артиллерии, о результатах которой доносить в 11 ч. 30 м. утра и 5 ч. 30 м. дня.

В течение дня ознакомить всех офицеров с задачами, которые должны быть выполнены их частями, с пунктами атак и направлением на них, а также с теми направлениями, в которых должен развиваться успех по занятию окопов противника.

Людям дать отдохнуть, накормить их и с темнотой 12-го марта всем частям занять исходное положение.

*П. п. начальник дивизии генерал-лейтенант Редько
Верно: и. д. начальника штаба подполковник Соколов
Разослан 12 ч. 30 м. ночь 12 марта 1916г.»*

В исполнение этого приказа по дивизии я отдал следующий по моей группе:

*«12 марта 1916г. 4 час. 30 мин.
Приказ № 2 по боевой части
8-й Сибирской стреловой дивизии.
г. дв. Стаховцы.*

Противник продолжает укреплять свои позиции. 3-му Сибирскому армейскому корпусу совместно с другими частями группы генерала Балужева приказано сбить противника, расположенного на позиции: выс. «Фердинандов Нос» – г. дв. Гоздава и выйти на фронт: д. Проньки (включительно) Помоши и ручей восточнее д. Волчино.

Вверенной мне боевой части (30-й и 32-й Сибирские стрелковые полки, 6-я батарея 8-ой Сибирской стрелковой артиллерийской бригады, 6-я батарея 10-й артиллерийской бригады, горная батарея 1-го горного дивизиона и 1-й взвод сапер) приказано наступать в полосе между линиями – госп. дв. Стаховцы, госп. дв. И винный завод севернее дер. Мокрицы (исключая), дер. Бояры (включительно) и болото Оступы, госп. дв. Гоздова (исключая) и ручей восточнее фольварка Волчина, причем ближайшей задачей ставится овладение совместно с 26-м Сибирским стрелковым полком высотой «Фердинандов Нос» и далее позицией германцев у д. Мокрицы и выйти на линию винный завод – западная окраина д. Мокрицы.

Справа наступает 7-я Сибирская стрелковая дивизия, слева обороняет болото Оступа отряд полковника Басова.

Дивизионный резерв (31-й Сибирский стрелковый полк) в лесу южнее госп. дв. Стаховцы, корпусной – в лесу юго-вост. д. Стаховцы.

Во исполнение сего приказываю:

32-му Сибирскому стрелковому полку и 1-й взвод сапер (полковник Костяев) совместно с 26-м Сибирским стрелковым полком овладеть высотой «Фердинандов Нос» – юго-западной его частью. По овладении

окопами противника, распространяясь влево наступать в направлении д. Мокрицы, держа связь с 26-м Сибирским стрелковым полком.

30-му Сибирскому стрелковому полку (полковник Изюмов) – удерживать западную окраину, занимаемого ныне им леса, обеспечивая левый фланг 32-го Сибирского стр. полка. По выходе 32-го Сибирского стрелкового полка на линию западной опушки леса – наступать на дер. Мокрицу до болота Оступы у озера южнее д. Мокрицы. Характер дальнейшего наступления будет указан в зависимости от обстановки.

Артиллерия: 2 легких батареи (подполковник Рооп) содействовать атаке высоты «Фердинандов Нос» и д. Мокрицы, согласно данных мной указаний. Горная батарея (поручик Дубельт) – содействовать атаке 30-го полка и его наступлению на деревню Мокрицы согласно данных мной лично указаний.

Частям поддерживать самую тесную связь между собой и соседями.

Приказание о начале наступления последует дополнительно.

Срочные донесения присылать через каждые три часа.

Головной парк в деревне Еженцы.

Раненых направлять в перевязочный отряд у оз. Слободского.

Я буду находиться в госп. дв. Стаховцы.

Заместители: полковник Изюмов и Костяев.

Свиты его величества

генерал-майор Джунковский».

12 марта последовал следующий приказ начальника дивизии, развивавший план наступления:

«Секретно.

12 марта 1916 г. 8 час. 30 мин. Вечера. Приказ №21

8-й Сибирской Стрелковой дивизии

ф. Гарово

В развитие приказа по дивизии №20 приказываю:

С наступлением темноты сегодня от полков боевой линии выслать разведчиков для резки проволоки, а также для воспрепятствования противнику производить исправление разрушенных заграждений.

В течение ночи батареям поддерживать редкий огонь по позициям пр-ка, в особенности же по тем участкам, на которых обнаружены повреждения.

В 3 часа ночи на 13-е марта батареям открыть огонь по окопам, на которые поведется наступление. Постепенно, усиливая огонь к 3 ч. 30 мин. ночи довести его до степени ураганного, после чего огонь перевести на тылы, с целью образовать огневую завесу, обстреливая г. дв. И д. Мокрицы.

Атаку начать ровно в 3 ч. 30 мин. ночи с 12-го на 13-ое марта.

С началом наступления все резервы подтянуть, двум б-нам 31-ого Сибирского стрелкового полка – дивизионного резерва – теперь же передвинуться к г. дв. Стаховцы. Старшему из командиров б-нов, приняв на себя командование двумя этими б-нами, войти в тесную связь с генералом Джунковским и по мере продвижения боевого порядка вперед, следовать за

ним с таким расчетом, чтобы иметь возможность оказать немедленную поддержку, когда это потребуется.

Остающимся 2-м б-нам того же полка быть в полной боевой готовности, оставаясь на своем месте до получения приказа.

Всем начальникам, до командиров рот и батарей включительно, поставить свои часы по часам штаба дивизии, сверенным с часами штаба корпуса.

В изменение п. 5 приказа по дивизии №20 донесения присылать к каждому четному часу, начиная с 4 час. ночи, а особенно важные – о занятии местных пунктов и рубежей доносить тотчас же.

О начале наступления донести. С Богом вперед!

П. н. начальник дивизии генерал-лейтенант Редько

Верно: и. д. начальника штаба подполковник Соколов».

Затем была получена телеграмма Балужева к начальникам частей:

«По приказанию командира корпуса передаю телеграмму командующего группой: «Генерал Алексеев сообщает, что его величество государь император изволит с большим вниманием следить за полными мужества, твердости и настойчивости действиями 5-го и частей 3-го Сибирского корпусов. Счастлив объявить войскам группы о таком милостивом внимании к нашим трудам нашего любимого монарха. Главнокомандующий приказал немедленно сообщить эту телеграмму войскам, помнить, что за каждым вашим шагом следит сам царь. Так будем же продолжать бить врага, так как разбили его у озера Нарочь и погоним его из русской земли. Генерал Балужев».

Все 12-е число прошло в большом волнении, я крайне пессимистически смотрел на исход боя, т. к. считал, что намеченная атака на «Фердинандов Нос» – так называлась укрепленная высота неприятеля, о которую разбились части 10-й дивизии, при недостатке снарядов, плохой связи и других недостатках, успеха иметь не может. К тому же люди были измучены от непогоды и ужасных условий местности. То снежная вьюга, то проливной дождь, люди не имели возможности обсушиться, а по ночам бывали заморозки, мокрые шинели покрывались льдом, люди коченели – условия были ужасающие. И, несмотря на это, мои стрелки держались бодро, нигде я не слышал ни одной жалобы, все были преисполнены сознанием долга, переносили тяжелые условия с полным терпением и спокойствием. Я прямо преклонялся перед ними, когда, обходя в самую ужасную погоду боевые участки, причем пули свистели со всех сторон, я встречал одиночных стрелков, которые, завидя меня, вытягивались во фронт, мокрые насквозь, но с бодрым, веселым лицом и как-то особенно, молодецки прикладывая руку к головному убору.

Я помню, как это поразило Набокова – особоуполномоченного Красного Креста, не побоявшегося приехать ко мне в столь опасное место, и которого я повел показать немецкие окопы, занятые нами накануне ночью.

К вечеру 12-го числа выяснилось, что артиллерия не смогла проделать необходимые для атаки проходы в проволочных заграждениях немцев и нам предстояло поэтому новое осложнение – проделать эти проходы ножницами, что редко удавалось. В 11 час. 30 мин. вечера я донес начальнику дивизии следующее:

«12 марта 1916 г. 11 час. 30 мин. вечера. №40.

*Начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии
г. дв. Стаховцы.*

Допошу, что пункт 1-й приказа по дивизии №20 выполнить точно не мог, т. к. приказ получен был только в 10 час. 30 мин. вечера. Ввиду того, что артиллерия не выполнила своей задачи по разрушению проволочных заграждений, я еще до приказа по дивизии, предвидя необходимость резки проволоки разведчиками, был озабочен отсутствием щитов для них и приказал обратиться за ними к командиру полком. Но командир Колыванского полка ответил, что уже передал щиты 26-му Сибирскому стрелковому полку. Таким образом в полку имеется только 10 щитов, подобранных на поле сражения, и 20 имеются у саперного взвода, что конечно далеко недостаточно. Кроме того, саперный офицер донес, что из имеющихся у него 16 удлиненных подрывных зарядов он считает 10 ненадежными. Все это не могло не смутить меня, и опасаясь возможности обстрела разведчиков своей артиллерией до переноса нашего огня в тыл противника, я разрешил командиру полка, начав наступление, согласно приказа по дивизии №21, в 3 ч. 30 м утра, выслать в это же время вперед разведчиков и гранадер с саперным взводом для того, чтобы сделать необходимые проходы в проволочных заграждениях. Этим, по мнению командира 32-го полка, одобренному мной, успех будет более обеспечен, чем при резке проволоки до переноса огня в тыл, когда разведчики неминуемо были бы обнаружены и за неимением достаточного количества щитов были бы уничтожены, не достигнув результата. После же ураганного огня всю эту работу можно произвести успешнее и с меньшими потерями лучшего состава полка.

*Свиты его величества
генерал-майор Джунковский».*

Ночью послал второе донесение:

«13 марта 1916 г. 2 час. ночи. №41.

*Начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии
г. дв. Стаховцы.*

На фронте 30-го полка редкая ружейная и артиллерийская стрельба, последняя по тылу. На фронте 32-го полка то же самое. Немцы освещают усиленно ракетами и прожектором. Два батальона 31-го полка прибыли в расположение госп. дв. Стаховцы, один расположился в госп. дв., другой в бывших немецких окопах, войдя со мной в связь.

*Свиты его величества
генерал-майор Джунковский».*

Ровно в 3½ часа утра 32-й полк перешел в наступление. Батальоны двигались в большом порядке, особенно 1-й батальон, на который любо было смотреть. Порядок наступления был следующий: впереди команда для разрушения проволочных заграждений и сзади рота за ротой, в расстоянии 50 шагов друг от друга густыми цепями. Передние прикрывались щитами. Вправо для связи с 26-м Сибирским полком 7-й Сибирской дивизии двигалась полурота для прикрытия фланга. Движение было безостановочно и в 4 часа передние достигли уже проволочных заграждений и стали резать проволоку, вырезав три прохода шириной от 3-х до 6-ти шагов. Противник видимо был вполне подготовлен к встрече нашей атаки, т.к. встретил передовые части сильным ружейным, артиллерийским и пулеметным огнем.

Пулеметы Кольта были выдвинуты вперед для разрушения части проволочных заграждений, также и для стрельбы по пулеметным гнездам противника. Вследствие больших потерь, а главное – отхода соседнего батальона 26-го Сибирского полка пришлось приостановить наступление, т.к. я не имел уже поддержки справа. С 26-м же полком чужой дивизии я ничего сделать не мог, люди там дрогнули, часть людей стала перебегать к немцам и сдаваться, другая отхлынула. Подпоручик 32-го полка Люкшин, командуя пулеметами, открыл огонь по стрелкам 26-го полка, перебежавшим к немцам, но не успел он сделать двух залпов, как был убит предательским выстрелом в спину.

Положение становилось критическим, в передних батальонах 32-го полка потери доходили до 20 %, в некоторых же ротах оставалось не более 30 стрелков. Я обратился к начальнику дивизии с просьбой подготовить дальнейшее наступление артиллерийским огнем по тылу противника, дабы заставить его прекратить огонь. **Сам я не мог распорядиться этим, т.к. в моем распоряжении было всего три батареи, вся остальная артиллерия была подчинена групповым начальникам.** Это было одним из крупных недочетов этой операции. В то время, когда я обратился к начальнику дивизии, положение было следующее: большая часть, оставшихся в живых 1-го батальона лежала впереди проволоки, а некоторые даже под самым бруствером.

Было заметно, что когда наша артиллерия стреляла, и стреляла с успехом, то немцы оставляли наших в покое, но как только наша артиллерия замолкала – немцы начинали поражать наших. Я считал, что дальнейшая атака возможна, если бы 7-я Сибирская дивизия помогла своим 2-м полком, одним же нам идти в атаку, не имея поддержки справа, было безумием, мы погибли бы от перекрестного огня. Это я и донес начальнику дивизии, сообщив, что я решил пока закрепиться в том положении, в каком очутился после отхода 26-го полка, но для того, чтобы немцы не выбили бы моих поодиночке, необходим сильный непрерывный артиллерийский огонь, сможет ли наша тяжелая артиллерия вести таковой?

Одновременно с этим я принимал все меры, чтобы связаться с 26-м полком, что мне и удалось к 12 часам дня 13 марта. Командир этого полка сообщил мне, что правофланговому его батальону удалось проделать в

проволаке несколько узких проходов, через которые можно бы провести стрелков, но не более роты, и потому атаковать через них он считает невозможным, на левом же фланге, где у него отхлынул батальон, проволочные заграждения остались целы, прорезать их он не мог. В течение дня выяснилось, что немцы стали стрелять разрывными пулями.

Было обидно отступить, части моего 32-го полка и расположенный уступами слева 30-й полк для поддержки 32-го рвались в бой, настроение среди них, несмотря на потери, было приподнятое, я решил с наступлением темноты пойти в атаку, назначив ее в 8 час. вечера, надеясь неожиданным нападением занять «Фердинандов Нос» даже без помощи 26-го полка.

Увы! Мне это не удалось – я получил приказание от начальника дивизии отойти назад и занять положение, с которого полки выступили утром. Наблюдавшийся подъем и повышенное настроение сразу упали. Отходить было очень трудно, стрелки несли большие потери, многих раненых пришлось оставить на поле сражения. К 11 часам вечера измученные стрелки в подавленном настроении заняли позицию, с которой вышли утром. Я очень опасался, как бы немцы нам не устроили какой-либо пакости, убедясь в нашей слабости, и потому просил оставить мне батальон 31-го полка до утра следующего дня в качестве резерва, чтобы помочь в случае чего измученным полкам 32-му и 30-му.

Но начальник дивизии не разрешил и приказал направить его в место расположения штаба полка в его распоряжение. Таким образом, я остался со своими остатками 32-го полка и 30-м полком, которые только в 12 ночи получили за весь день первый раз горячую пищу. С тяжелым чувством вышел я проводить уходивший батальон 31-го полка, который сам неохотно шел в дивизионный резерв. Темень была непроглядная, было как-то жутко различать в этой мгле отдельные силуэты стрелков, пробивавшихся в тыл по узкой гати, чуть ли не поодиночке.

Вернувшись к себе в блиндаж далеко не в восторженном настроении, мне казалось, что все пропало и ни о каком наступлении больше и речи быть не может. Я застал моего ординарца – в этот день прапорщика Редько – спавшего сладким сном в блиндаже, мне стало жаль этого совсем юношу и, не зная, что ожидает еще ночью и на другой день, не желая подвергать его опасности, я разбудил его и послал его в штаб дивизии с донесением. Таким образом, я остался даже без ординарца.

Выпив чаю и поговорив с Костяевым, командиром 32-го полка, я устроился на своем стуле поудобнее на ночь, надеясь подремать. Устал я страшно за этот день, тишина кругом была необычайная, ни одного выстрела слышно не было, и мы подумали с Костяевым, что и немцы переутомились за этот день и потому вряд ли нас побеспокоят. Разведчики доносили нам, что противник закрепляется на своих позициях, усиливает и подчиняет попорченные и изрезанные проволочные заграждения, а мелкие партии противника выходят по временам из окопов с целью захватить наших еще не убранных раненных, но каждый раз они их отгоняют огнем.

Казалось, все это не предвещало ночной тревоги, и я скоро задремал. Я был разбужен сильным орудийным огнем, сначала я подумал, что это обычный обстрел госп. дв. Стаховцы, но огонь становился все сильнее, я разбудил командира полка, мы вышли наружу, и сразу стало ясно, что это не простая стрельба, а подготовка к атаке со стороны немцев, которые развили огонь до крайних пределов. Было еще темно, но от разлетевшихся снарядов весь участок был освещен как днем, снаряды рвались ежесекундно. Трудно было очень ориентироваться, в 3 час. 30 мин. утра позвонил командир 30-го полка Изюмов, докладывая, что полк его тает, потери огромные и он просит помощь в два батальона, ждет атаки немцев. Я тотчас позвонил начальнику дивизии, прося подкрепления, после чего вся связь была порвана, телефонисты, посланные для восстановления, большей частью были убиты. Пришлось пользоваться летучей почтой, но и многих из них постигла та же участь.

Один случай произвел на меня жуткое впечатление. Я стоял около блиндажа, пропуская мимо себя батальон резерва, подбадривая и благословляя людей, которые шли по ходу сообщения, а я стоял над ними. Кругом был сплошной ад от разрывавшихся снарядов и свиста пуль. В это время ко мне подошел посыльный летучей почты и подал донесение. Прочитав его и написав ответ я, не оборачиваясь, протянул руку, чтобы отдать конверт, но никто его не взял, я обернулся – посыльный лежит на земле, шальная пуля убила его наповал, за шумом разрыва снарядов я даже не слышал, как он упал.

Ужасное состояние, когда чувствуешь, что наступил момент, когда нельзя даже никакого отдать приказания, когда надо предоставить все воле Божьей и ждать. Это чувство какой-то жуткой беспомощности. Около 7 часов утра, когда уже рассвело, ко мне явился командир 30-го полка, не из храбрых, Изюмов, бледный, растерянный и огорошил меня словами: «У меня полка нет, все пропало, все уничтожены».

Зная его паническое настроение, я конечно не поверил ему, что полк уничтожен, изругал его, сказав, что если его полк уничтожен, то он должен был погибнуть с ним, а не являться в штаб боевой части, пускай он поищет своих людей, которые наверно найдутся, когда подъедут кухни, а если он не соберет людей, то будет предан суду. Он как будто опомнился, но в это время сзади уже в тылу у меня на опушке леса появились ракеты и одиночные люди шагах в 1000–1500 – это были немцы, сигнализировавшие своим об успешном наступлении. Изюмов еще более струсил, предложил даже бежать, но я на него посмотрел такими глазами, что он сразу пришел в себя. Положение становилось критическим, меня могли захватить в плен, ударить в тыл моим частям.

Приказав забрать телефонное имущество из блиндажа, я с пятью или семью стрелками связи решил перейти на ближайшую батарею, чтобы оттуда управлять дальнейшим боем, командиров же полков 32-го и 30-го направил к своим частям, чтобы контратакой опрокинуть немцев, батальон 31-го полка передал в распоряжение Костяева, приказав обоим командирам немедленно

по прибытии к своим частям соединиться со мной летучей почтой. Когда командиры полков скрылись из виду, я остался со своими чинами связи, кругом не было ни души, немцы вышедши из лесу, не направились почему-то на Стаховцы, а пошли в сторону, это спасло положение.

Я тогда двинулся к батарее, пришлось проходить «долину смерти». Я шел в ужасном настроении, мне казалось, что все пропало, что я очевидно виноват, наверное, что-нибудь не предусмотрел по неопытности, по незнанию, что мне что-то надо сделать, а что, я сам не знаю – и я был один, никого кругом, кроме этих славных стрелков связи, которые так заботливо, ласково смотрели на меня, как будто чувствуя все, что я переживал. А снаряды между тем с остервенением разрывались то тут, то там, со всех сторон, другие проносились злобно шипя, а то вдруг над головой с треском разрывалась шрапнель и осколки ее со шлепанием падали вокруг на мокрую землю, обдавая меня грязью. Мои стрелки поминутно ложились при пролете гранат, а мне как-то было все равно, слишком я был полон дум о том, что делается в лесу, успеют ли мои перейти в контратаку и мне и в голову не приходило, что каждый снаряд несет смерть, я не мог даже себе представить, как это в меня попадает снаряд, и в тоже время мысль, что я останусь целым, когда мою линию прорвали, мне казалась позором, и я, стряхивал с себя комки грязи, которой меня все время обдавало от рвавшихся снарядов. Помню, как жаль мне было одну лошадь – она паслась совсем одна, вероятно, сбежала из какой-нибудь части, как сейчас помню, серой масти. На моих глазах осколком снаряда у нее оторвало одну ногу, и часть зада и она осталась стоять на трех ногах, вся дрожа и как-то странно фырка.

Минут через 20 я был на батарее, нашел жалкие ее остатки – из 6 орудий одно, из прислуги осталось всего несколько артиллеристов, из офицеров один командир батареи, телефонной связи не было, и эти герои продолжали стрелять из единственного орудия. Поблагодарив людей, записав этих молодцов для представления к наградам, поговорив с ними, я решил дойти до промежуточной телефонной станции, чтобы связаться с начальником дивизии просить поддержки – надо было пройти еще с ½ версты, снаряды стали ложиться реже. Сообщение со штабом дивизии было и я мог доложить Редько положение дел, получил разрешение взять из корпусного резерва два батальона на помощь. Вскоре Редько сам приехал на промежуточную станцию.

После боя в 6-ой батарее (8-ая Сибирская стрелковая артиллерийская бригада). Район озера Нарочь, 1916 год.

В это время связь моя летучей почтой возобновилась и я стал получать донесения. Это помогло мне ориентироваться. Контратака удалась, я вздохнул свободно, немцы были оттеснены и я мог вернуться опять в свой блиндаж, мне прислали из штаба дивизии нового ординарца поручика Василенко, с которым я и прошел вместе «долину смерти», все еще осыпаемую снарядами. Но шел я уже не подавленный, а полный бодрости, положение было спасено, мои стрелки дрались, как львы. Один офицер 30-го полка, чудом уцелевший, рассказывал мне, что в одном месте столкнулись в лесу неожиданно для самих себя – роты немцев и наши. В первый момент и те и другие ошалели, а потом кинулись с яростью друг на друга врукопашную. Кололи штыками, разбивали головы прикладами, били кулаками, кусали друг друга, наши одолели, а в другом месте, когда немцы убегали по ходу сообщения, наши их преследовали поверху и били их прикладами по головам – не многим удалось спастись, весь ход сообщения был завален трупами.

На другой день было приказано восстановить утраченное положение, что и было мной выполнено. При подсчете за эти бои дивизия наша потеряла убитыми и ранеными около 9 тысяч – почти 50%, из офицерского состава 31 офицер был убит, 41 ранен. В неуспехе нашем, т.к. нельзя было назвать успехом продвижение на 1 ½ версты, главным образом виновата была артиллерия и недостаток снарядов. Когда немцы выпускали 2000 снарядов, мы могли выпустить сотню, другую.

Возвращение в штаб дивизии

Когда мы восстановили наше положение, то получено было распоряжение сменить нас на позиции частями 7-й Сибирской дивизии, мои части отошли в тыл, на отдых и пополнение, я вернулся 16-го в штаб дивизии. Странно как-то, после 9 дней что я, не раздеваясь, просидел на стуле в темном блиндаже, очутиться в уютной землянке и лечь в свою кровать, не слышать выстрелов. Как всегда бывает после неудачи, надо найти виновника. Прорван был мой фронт – очевидно виновник налицо, тем более что обвинять 5-й корпус значило бы Балуюеву обвинить себя, остался 3-й Сибирский – обвинить 7-ю Сибирскую дивизию нельзя, т.к. эта дивизия бывшая Трофимова – командира корпуса, значит всех собак надо вешать на 8-ю Сибирскую. Я решил защищаться до крайности и, затребовав от командиров полков подробные донесения, предоставил рапорт начальнику дивизии, который и привожу целиком:

«17 марта 1916 г. №77

Начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии.

Вследствие приказа вашего превосходительства, изложенного в полевой записке начальника штаба от 15 сего марта за №135, полученной мной в 4 часа дня того же числа, я затребовав от вверенных мне начальников боевых участков полковников Костяева и Изюмова подробные донесения о прорыве их боевого порядка и временной потери позиции. Основываясь на полученных от них данных и имеющихся у меня таковых же доношу:

В ночь с 13 на 14 марта полки боевой части вверенной Вам дивизии расположены были следующим образом:

Правый боевой участок (полковник Костяев). Части этого участка должны были отойти, согласно Вашего приказа, из-под проволочных заграждений «Нос Фердинанда» с наступлением темноты вечером 13 марта и занять положение предшествовавшее бою и атаке вышеуказанной вершины. В исполнение сего около 8-ми час. вечера северо-западная опушка леса была занята 4-мя батальонами 32-го полка, части 1-го батальона, уцелевшие после атаки, расположились в резерве на высоте 92, части 2-го и 3-го батальонов в лесу сзади высоты 92. К этой высоте был подтянут и передан мной в распоряжение командира 32-го полка – 1 батальон 31-го полка (дивизионный резерв); другой батальон, а именно 2-ой этого же полка, переданный Вами из дивизионного резерва также в мое распоряжение, я оставил в старых германских окопах западнее православного кладбища. На ночь были приняты все меры бдительности: выставлены секреты, заставы. В направлении на вершину «Нос Фердинанда» была выслана разведка, которая должна была прикрыть сбор раненых, оружия и отход стрелков с бруствера окопов противника и из-за провол. заграждений.

Левый участок (полковник Изюмов) – 13 марта во время атаки 32-м полком «Фердинандов Нос» оставался на месте в оборонительном положении, занимая позицию от северо-западной опушки леса до болота. Вся позиция 30-го полка была разделена на 2 боевых участка: правый занимал 2 б-н с 2-мя пулеметами, имея одну роту в резерве; левый – 3 б-н с 3 пулеметами. В полковом резерве находились 1 и 4 батальоны, 1-ый за правым флангом полка в лесу и 4-ый в составе 3-х рот за правым флангом 3-го б-на. Резервным батальоном было придано по 2 пулемета. Влево к полку никто не примыкал за исключением сторожевого охранения 29-го полка по болоту Остухи, с которым держалась связь. В тылу 3-го батальона, а частью 2-го были немецкие проволочные заграждения. Впереди же были поставлены рогатки, но не сплошь.

На ночь выставлено было усиленное сторожевое охранение, состоящее из полевых караулов и секретов и от каждой роты разведка, от 4-го же б-на, стоявшего в резерве, 3 сильных партии разведчиков под командой офицеров, которым была дана задача выяснить подступы к позиции противника и силу проволочных заграждений. Разведка возвратилась в 1 час ночи и донесла, что противник спешно укрепляет позицию; удобных подступов нет, на правом фланге проволочные заграждения состоят из рогаток. При этом разведчики принесли 30 русских винтовок.

В 3 часа ночи 14 марта противник открыл огонь, перешедший к 3 часам 30 минутам утра в ураганный по всему участку 30-го полка. Я в это время находился в блиндаже госп. дв. Стаховцы, в этом же блиндаже находился и командир 32-го полка, полковой адъютант и телефонист. Сначала я принял этот огонь за обычный, т.к. госп. дв. Стаховцы обстреливается тяжелыми снарядами по несколько раз в сутки более или менее интенсивно. Но когда огонь дошел до небывалого до сих пор напряжения, госп. дв. Стаховцы буквально стал засыпаться снарядами, то мне сразу явилась мысль, что это подготовка к атаке со стороны немцев. Губительный огонь противника по окопам 30-го полка и ближайшим резервам продолжался часа полтора. Весь участок был освещен как днем, лес иссечен снарядами и осколками, ни одного места не было без поражения. Командир 30-го полка в 3-30 утра по телефону доложил мне о возможном наступлении немцев и просил меня прислать на помощь два батальона. На мой вопрос, использованы ли им его резервы, он не мог мне ответить, т.к. связь с его резервом была порвана и он не мог определить, в каком они положении. Я приказал ему немедленно войти в связь с его 2-мя батальонами, находящимися в резерве и доложить мне. Сам же я немедленно отдал распоряжение, если 2-й б-н 31-го полка еще не ушел в место расположение своего полка, согласно Вашего приказа, то задержать его в немец. окопах, дабы в случае наступления немцев он бы мог оказать помощь. Одновременно с сим командир 32-го полка стал звонить своим батальонным командирам, но смог предупредить только одного, с остальными связь была прервана и пришлось послать приказание по летучей

почте. Я же позвонил тотчас в штаб дивизии и сообщил об ожидаемой атаке для доклада Вам и просил воспользоваться 2-мя б-нами из дивизионного резерва и об открытии огня тяжелой артиллерией.

Получив на это согласие, я, по телефону, передал приказание командиру 31-го полка – немедленно двинуть один батальон, а затем и другой на помощь. Это были мои последние распоряжения по телефону, т. к. затем связь телефонная была порвана всюду, а поддерживалась связь только летучей почтой, причем несколько телефонистов, посланных для исправления телефонных линий, и посыльных летучей почты были убиты.

Как только стало рассветать, то артиллерийский огонь стал ослабевать, что служило доказательством о наступлении немцев. Связь в это время у меня прервалась со всеми, и у командира 32-го полка также.

В это время в 30-м и 32-м полках происходило следующее:

30-й полк. При первом ослаблении артиллерийского огня, 4-й батальон был выведен из блиндажей и в тот же момент ему пришлось столкнуться врукопашную с противником, появившимся с обоих флангов и с тыла. Во время сильного огня противника густые цепи появились перед окопами боевой линии. Первые ряды были поражены ружейным и пулеметным огнем уцелевших стрелков, а следующие ряды немцев массой обрушились на весь боевой порядок и окружили, тут произошла штыковая схватка, во время которой с обеих сторон было много убитых и раненых. Небольшими группами бойцов, во главе с офицерами, удалось пробиться и отойти на линию роты 31-го полка у высоты 92. Первый батальон, стоявший за правым флангом вследствие прекращения всякой связи со штабом полка и другими батальонами, хотя и был в полной готовности с самого начала открытия артогня, но не получая никаких угрожающих сведений с передовой линии, и, за ураганным огнем артиллерии, не слыша ружейной стрельбы, выслал сильные партии разведчиков, чтобы узнать, в чем дело, но разведчики были встречены по дороге только одиночными людьми, а на месте расположения полка заметили только одних немцев. Получив такое донесение, командир 1 б-на выдвинул 2 роты, занявшие вместе с частями батальона 31-го полка и 32-го тыловую позицию.

Посыльные для связи со штабом полка и выяснения настоящего положения не вернулись, по-видимому, были убиты или ранены. Когда огонь противника стал поражать 1-й батальон, то 2 роты резерва были отведены назад и заняли окопы на юго-восточной опушке леса, где очутились среди частей 26-го полка. На этом месте батальон простоял до тех пор, пока не восстановилась связь со штабом полка и он получил приказание продвинуться влево к оставшимся частям полка в тылу правого фланга прежнего своего участка.

32-й полк. Ураганный огонь привлек внимание всех, причем части 32-го полка и стоящие за ним в резерве были предупреждены командиром полка о необходимости быть в полной боевой готовности для принятия удара противника. Когда части 30-го полка были сбиты с позиции и стали быстро отходить к госп. дв. Стаховцы, преследуемые немцами главным образом со

стороны левого фланга, немцы стали быстро продвигаться вперед и уже около 5 час. утра вышли на опушку леса и зашли в тыл левофланговой роты 32-го полка, занимавшей северо-западную опушку леса. Рота эта штыками пробилась к своим, после чего 4 батальон уступами слева стал отходить к выс. 92 и держа связь с соседним с правого фланга полком. В это время головные части немцев прорвались уже к самой высоте 92 слева и ворвались в землянку, где помещались центральный телефонный пост полка (эта землянка бывшая землянка ротного командира германского полка, занимавшего прежде эту позицию). Увидя появление немцев у самой высоты 92, командир 1-го батальона 32-го полка штабс-капитан Дрошин обратясь к чинам батальона, только что выползших из-под проволочных заграждений на «Носу Фердинанда» и уцелевших после атаки на эту высоту, со словами: «За царя и Родину!», бросились на немцев в штыки, вместе с присоединившимся 1-м батальоном 31-го полка под командой капитана Кульчицкого. Эта стремительная атака, заставила немцев отхлынуть, при этом большая часть немцев была переколота, а другие до 40–50 человек с одним офицером взяты в плен и все телефонное имущество взятое немцами было от них отобрано. Но эта стремительная атака скоро приостановилась, т.к. резервы немцев заняли окопы в лесу и встретили батальоны 31-го и 32-го полков сильным огнем. Тем не менее, эта контратака приостановила на время движение немцев со стороны южной опушки леса в направлении г. дв. Стаховцы.

Все это время я находился с командиром 32-го полка в блиндаже г. дв. Стаховцы, который буквально засыпали снарядами с двух сторон села Мокрицы и Болтогуз. Связи не было, кроме летучей почты (пешей), которой пользоваться из-за адского огня было трудно. Между 6 и 7 часами утра ко мне явился командир 30-го полка, потерявший связь с батальонами своего полка и доложивший об участии, постигнувшей его левой участок, насчет же правого у него сведений не было. В это время со стороны южной опушки леса в направлении к госп. дв. Стаховцы появились немцы, пуская вдоль болота ракеты, обозначая этим свое успешное наступление, в госп. же дв. Стаховцы не было ни одного человека в резерве, и парировать удар представлялось затруднительным. Видя такое положение и вследствие перерыва связи со штабом дивизии, я решил перейти к ближайшей промежуточной станции (телефонной) 32-го полка у дер. Стаховцы, приказав полковникам Костяеву и Изюмову направлять все донесения летучей почтой возможно чаще во вновь избранный мной пункт моего пребывания. Полковнику же Изюмову я приказал кроме того собирать остатки своего участка. Отдав эти распоряжения, я двинулся пешком с семью стрелками связи в дер. Стаховцы, где мне и удалось связаться со штабом дивизии и доложить вашему превосходительству о положении дел. Не прошло и часу, как я вошел уже вновь в связь с командирами 30-го и 32-го полков и мог продолжать уже непосредственно руководить боем.

Дальнейшие события представляются в следующем виде: командир 32-го полка, направившись в расположение своего полка в $\frac{1}{2}$ версте впереди

госп. дв. Стаховцы в окопах встретил части 30-го и 31-го полков. Занимавшие эти окопы роты не имели начальников. Увидя глубокий обход слева, полковник Костяев разделил этих стрелков на 2 роты, назначив командиром рот прапорщика и унтер-офицера, приказал им наступать самым энергичным образом в направлении, откуда видны были ракеты. Цепи эти воодушевленные полковником Костяевым быстро вышли из окопов и стремительно бросились вперед.

Через ½ часа со стороны гати, что западнее г. дв. Стаховцы стали подходить батальоны 31-го полка, направленные полковником Костяевым на левый фланг южнее дороги госп. дв. Стаховцы – Мокрицы. С подходом этих батальонов положение левого фланга упрочилось. Получив от полковника Костяева донесение о вышеизложенном, я возложил на него командование всеми частями, находящимися в его районе и послал в его же распоряжение и два батальона 29-го полка, переданных мне по Вашему приказанию, чтобы он распределил их сообразно ходу дела. Это дало возможность перейти в общее наступление и к 10ч. утра части боевого порядка заняли половину леса, шагов 400–600 не дойдя до прежней позиции. В это время в место моего расположения прибыли ваше превосходительство, и все дальнейшее было в Вашем присутствии. Тотчас после Вашего отъезда я вернулся в блиндаж госп. дв. Стаховцы, куда были еще направлены два б-на 28-го полка (дивизионный резерв), которые я распределил: один батальон в госп. дв. Стаховцы, другой в германских окопах.

Как только движение немцев было окончательно приостановлено, согласно приказания Вашего вновь было образовано два боевых участка. Правый (полковник Костяев) – части 32-го полка и по батальону от 29-го и 30-го полков. Левый (подполковник Зиневич) – три б-на 31-го полка и один б-н 29-го полка.

Этим двум боевым участкам я приказал тотчас перейти в наступление и занять прежние позиции, кои заняты были нами до атаки немцев.

С наступлением темноты я, по приказанию Вашему, приостановил движение вперед и возобновил его в 3 часа утра 15 марта, что и было выполнено.

Правый участок был восстановлен к 11–30 у. 15 марта, причем части 29-го и 30-го полков, находившиеся в передовой линии, действовали выше всякой похвалы, особенно 1-й б-н 30-го полка под командой штабс-капитана Пиширкова, обстреливаемый, благодаря опозданию 31-го полка во фланг и неся большие потери. Левый участок был восстановлен, согласно донесения полковника Малишевского (№ 21), только к 10 час. вечера, вследствие совершенно необъяснимой медленности движения 31-го полка.

После сего, согласно вашего приказа №140 – 32-й полк был сменен 27-м, два батальона 29-го полка были приданы к 31-му полку и составили боевой участок под командой полковника Малишевского с непосредственным подчинением вашему превосходительству. 32-й и 30-й

полки отошли в дивизионный резерв, а я по Вашему приказанию вернулся к штабу дивизии.

Потери полков изложены в донесениях командиров полков в штаб дивизии.

Представляя о вышеизложенном служебным долгом, почитаю донести, что полки боевой части – 30-й и 32-й с присоединенными к ним частями других полков и два б-на 29-го полка, особенно 32-й полк во главе со своим командиром полковником Костяевым, действовали в боях с полной отвагой, бесстрашием и выполнили свой долг перед царем и Родиной выше всякой похвалы.

Боевой части вверенной Вам дивизии дано было три задачи:

Овладеть длинным лесом и выйти на северо-западную и западную его опушки, где ожидать дальнейших распоряжений и держа связь с частями 10 дивизии, направленных ко взятии высоты «Нос Фердинанда».

Атаковать частями правого боевого участка юго-западную часть высоты «Нос Фердинанда» одновременно с атакой юго-восточной его части 26-м Сибирским полком.

После произведенной немцами внезапной атаки на наше расположение и потери нами нашей позиции – восстановить ее. Все эти три задачи были выполнены, несмотря на ряд чрезвычайно неблагоприятных условий.

За блестяще выполненную задачу по овладению лесом боевая часть вверенной Вам дивизии удостоилась благодарности от командующего армией и 75 георгиевских медалей. Подбодренные лестной для них оценкой их самоотверженной боевой работы, 32-й полк выполнил вторую задачу еще более блестяще. Несмотря на то, что ни проволочные заграждения, ни окопы не были не только разрушены, но даже и вовсе не пострадали от артиллерийского огня, 1-й батальон этого полка двинулся в атаку высоты «Фердинандов Нос», как на параде в полном порядке, руководимый примером доблестного своего начальника – штабс-капитана Дрошина, павшего в следующем бою на поле брани.

К сожалению, их наступление, которое, согласно приказа по дивизии № 21, должно было начаться в 3-30 утра 13 марта, невольно было приостановлено, т.к. батальон рисковал попасть под ураганный огонь нашей артиллерии, который был перенесен в тыл только после 4-х часов утра, когда батальоны и могли только двинуться вперед. Благодаря тому, что проволока оказалась совершенно цельной, 1-му батальону пришлось делать проходы ножницами, что и было выполнено под сильным огнем противника. Прорезаны были три прохода в 3, 4 и 6 шагов ширины, через которые и начали проползать стрелки. Но в это время стало рассветать, что и помешало дальнейшему продвижению, тем более, что 26-й полк, атаковавший рядом, отошел назад, а 1-й батальон 32-го полка остался лежать под проволокой в ожидании возобновления атаки 26-м полком.

По докладе мне о сем Вашему превосходительству, Вы передали мне, что командир корпуса категорически приказал 26-му полку перейти в

наступление. Это нас приободрило, но прошло несколько часов – наступление 26-го полка не начиналось, а полковому адъютанту 32-го полка начальник связи 26-го полка по телефону сообщил, что полк пойдет в атаку, когда привезут ножницы. В это время 1-й батальон 32-го полка лежал на открытом месте за первым батальоном.

Около 12-ти час. дня Ваше превосходительство сообщили мне, что 26-й полк атаковать не будет, а что 1-му и 2-му б-нам 32-го полка надо продержаться до темноты и тогда или атаковать или отойти. Я просил Вас разрешить мне атаковать в 8 час. веч., а затем передал и начальнику штаба дивизии, что если до 7 час. веч. я не получу указаний, то в 8 час. атакую и уверен в успехе.

Уверенность моя в успехе была полная, т.к. не только 32-й полк, но и приданные к нему части 31-го полка были так воодушевлены геройством 1-го б-на 32-го полка, что горели желанием выручить храбрецов-товарищей, а проходы хотя и не в должном числе были все же проделаны. В 7 часов вечера я получил от Вас приказание командира корпуса отойти – это очень больно отозвалось в душе каждого, мало кому из этих героев удалось отползти, многие остались там за проволокой.

Третья задача, восстановление отнятой позиции боевой части вверенной Вам дивизии было выполнено хотя и медленно, но все же доведено было до конца. Медленность объясняется некоторой несогласованностью действий 31-го и 32-го полков, а главное сильным переутомлением людей и г. офицеров.

Переходя затем к постигнутому боевую часть вверенной Вам дивизии несчастью – прорыву и потере позиции, долгом почитаю донести, что немцам помогли следующие обстоятельства:

Немцы занимали раньше длинный лес и все блиндажи, землянки, ходы сообщений были им известны с математической точностью. От дер. Мокрицы очевидно у них идут ходы сообщений, известные им и неизвестные нам, по которым они незаметно могли подойти к любому пункту леса совершенно внезапно.

Погода была ужасная, дождь моросил и в 10 шагах ничего не было видно, а немцы, зная отлично все расположения в лесу, шли наверняка.

Ураганный огонь немцев по 30-му полку прямо косил полк, унося одну жертву за другой, порвав все телефонные провода и лишив всякой связи.

Позиция по опушке леса являлась для нас временной и соответственно этому и была укреплена, окопы были устроены местами только для стрельбы с колена, впереди были рогатки, и не сплошь, а с проходами.

Поддержек кроме 1-го батальона 31-го полка не было вовсе, т.к. 2-й батальон этого же полка был отведен в дивизионный резерв перед самым началом ураганного огня.

Из всего вышеизложенного ваше превосходительство изволите усмотреть, что боевая часть вверенной Вам дивизии не только не заслуживает какого-либо малейшего порицания, но, наоборот, она дралась с

отвагой, самоотвержением и поддержала вполне боевую славу сибирских стрелков, свято выполнив свой долг перед царем и Родиной.

Начальник боевой части

Свиты его величества генерал-майор Джунковский».

Затем последовала телеграмма главнокомандующего фронтом Эверта затребовать от всех начальников мнения о причинах неудачи нашего наступления в районе оз. Нарочь. Я изложил следующее:

«20 марта 1916г. 3 час. дня. № 78

Начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии.

ф. Гарово

Во исполнение приказания вашего превосходительства, основанного на телеграмме главкозап за № 1746 доношу, что причины неудачи нашего наступления я полагаю в следующем:

Слабая подготовка атаки артиллерией при полной несогласованности ее с действиями пехоты, недостаток в снарядах тяжелых и гаубичных батарей.

Так называемый «ураганный огонь» нашей артиллерии нельзя даже сравнивать с немецким, настолько он слабее и очевидно настолько же производит и меньше морального впечатления на войска, чем немецкий.

Что касается меткости огня, то и она заставляет желать лучшего, но винить в этом батарейных командиров нельзя, т.к. напр. В 8-й Сибирской стрелковой дивизии орудия до того изношены, что правильно стрелять не могут. Затем в течение 9–15 марта были такие туманные дни, что наблюдений за стрельбой, корректирования ее производить нельзя было, а артиллерия все же стреляла и верно впустую.

Проволочные заграждения и окопы противника в районе, где мне пришлось атаковать, после обстрела их тяжелой батареей и легкими оказались совершенно нетронутыми (ночь с 12 на 13 марта) «Фердинандов Нос», а это не могло не отразиться на успехе атаки и не быть причиной огромных потерь.

Несогласованность действий артиллерии и пехоты выражалась в том, что артиллерия выполняла свои задачи, выработанные группой, и эти задачи, даваемые батареям, не были известны начальникам боевых частей и участков, что вызывало ряд недоразумений.

Начальники боевых участков и частей были лишены возможности распорядиться огнем даже тех батарей, которые находились в их ведении, т.к. эти же батареи получали специальные задачи от своего строевого начальства.

Результатом всего вышеизложенного являлось то:

1) Что начальники боевых частей с одной стороны пользоваться артиллерией не могли, с другой же стороны артиллерия часто стреляла по своим.

2) Использовать успех представлялось всегда затруднительным, т.к. наступление велось не массами, не волнами одной за другой, а войска бросали пачками, оставляя резервы далеко сзади.

3) При атаке какой-либо высоты или предмета иногда назначались части разных дивизий, что влекло к несогласованности действий.

4) Войска мотали и дергали все время, перебрасывая их с одного пункта на другой, вовсе не считаясь с необходимым отдыхом, а т.к. все почти передвижения происходили ночью и т.к. зачастую приходилось располагаться под открытым небом, а иногда и в болоте, и под дождем, то отсюда ясно до чего могли измотаться люди. От непогоды и сырости, пронизанные насквозь, стрелки прямо обалдевали.

5) Отягощение канцелярией перепиской и требованиями справочного характера, причем всегда «спешно», не считаясь даже с боевой обстановкой, когда все мысли должны были быть направлены только к одному – выработки плана боя.

б) Отсутствие возможности спокойно работать во время боя вследствие постоянного дергания и отвлечения начальников боевых частей и участков к телефону для ответов на разные вопросы, как относящиеся, так и не относящиеся к бою.

*Свиты его величества
генерал-майор Джунковский».*

Отвод дивизии на отдых в дер. Сивцы

Устав страшно и физически и нравственно, я чувствовал потребность хоть немного отдохнуть после всего пережитого, и потому, как только дивизия отошла на отдых в дер. Сивцы, попросился в отпуск на одну неделю, но командир корпуса не разрешил, сказав, что дивизия в скором времени опять станет на позиции, как только пополнится людьми.

Действительно 5000 пополнения уже пришло к 23 марта, а 4000 еще ожидалось на днях. Среди пополнения опять пришли москвичи, среди коих многие меня узнали. Устроился я в дер. Сивцы очень хорошо, погода стала дивная, теплая, прямо летние дни. В это время прямо завалили письменной работой, посылая один запрос за другим, все искали виновных в неудаче. Кроме того запрашивали и по разным специальным вопросам. Что делали в штабах со всеми этими ответами, не знаю, но, во всяком случае, разбор всех этих мнений непроизводительно отнимал немало времени у офицеров оперативных отделений штабов.

Привожу один из моих ответов на один из таких запросов:

«22 марта 1916г. 11 час. №83

*Начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии
дер. Сивцы*

Согласно приказанию вашего на основании телеграммы начальника штаба армии от 21-го сего марта за №1203 доношу, что при артиллерийской хорошей подготовке, когда проволочные заграждения противника разрушаются от артиллерийского огня, безусловно, предпочтительнее дневные атаки, когда легче держать часть в руках и люди менее утомляются. Если же приходится атаковать, когда заведомо известно, что артиллерия ничего не сделала и проволочные заграждения целы, то иначе как ночью атаковать нельзя, т.к. при дневном свете резать

проволаку нельзя, но в таких случаях надо начинать наступление с таким расчетом, чтобы успеть сделать проходы и чтобы первые партии могли пройти через проходы еще до наступления рассвета. Предполагать, что возможно в течение ночи прорезать в проволоке проходы, а днем атаковать, – ошибочно, т.к. немцы всегда сумеют вновь исправить проволочные заграждения или закидать места проходов рогатками.

Свиты генерал Джунковский».

Приезд великого князя Георгия Михайловича

26 марта меня вызвал генерал Балуев – начальник всей группы, действовавшей под Нарочем. Принял меня он любезно и дал мне возможность доложить ему с полной откровенностью о ходе боев в 3-м Сибирском корпусе, т.к. Трофимов ему многое осветил совершенно неправильно.

Он меня вызвал по случаю ожидаемого приезда великого князя Георгия Михайловича, командироваемого в его группу для раздачи георгиевских крестов. Великий князь должен был проехать со ст. Кривичи, 28 марта, в дер. Узлы, где должны были быть собраны представители 4-х корпусов по 100 человек от каждого полка и был назначен парад, командование которым поручено было мне. Последнее мне доставило большое удовлетворение, как доказательство, что меня не считали уже таким плохим боевым начальником, не считали виновником неудачи. А затем я и не рад был, что меня выдвинули на такую роль. Несколько дней готовились к его приезду, по обыкновению по-бутафорски, что всегда развращающе действовало на войска. Сначала было приказано выставить почетный караул на ст. Кривичи – это в 20 верстах от расположения 29-го Сибирского полка, от которого назначен был караул. Приказано было, чтобы одет был караул однообразно, щегольски, значит, со всего полка приходилось собирать все лучшее, причем начальство суетилось, приезжал сам командир корпуса смотреть, хорошо ли одет караул. Затем посыпались депеши, сначала выставить на смотр всех представленных к георгиевским крестам и медалям, составили списки, затем перемена – не более ста человек от полка, затем по сто обязательно, наконец, по пять от роты. Три дня все адъютанты в полках и штабах были заняты исключительно этой перепиской и составлением списков. Затем пришло приказание – выслать три роты чинить дорогу для проезда великого князя. В последнюю минуту почетный караул отменили, когда он был уже на станции, и ни у кого не хватило гражданского мужества сказать, что караул на станции, и его спрятали, люди не повидали даже великого князя, для которого прошли 40 верст туда и обратно. Прямо возмутительно.

601 203

СПИСОКЪ

нижнихъ чиновъ I-й Сибирской Стрѣлковой Артиллерійской бригады, награжденныхъ Георгіевскими крестами 29 марта сего года Великимъ Княземъ ГЕОРГІЕМЪ МИХАЙЛОВИЧЕМЪ

Составленъ " 2 " апрѣля 1916 года.

Какой бат.	Званіе.	Имя, отчество и фамилія.	Какой губерніи.	Какого уѣзда.	Какой степени.	№-№-крестовъ.
3.	Подпр.	Михаилъ Акимовичъ ШЕЛЯКИНЪ.	Рязанской.	Касимов.	Георг.кр. 2-й ст.	№18394. ✓
3.	"	Василій Даниловичъ БОНДАРЕВЪ.	Томской.	Маріинск.	"	№18443. ✓
3.	Стар.ф.	Андрей Федоровичъ ПИРОГЪ.	Тобольск.	Тюкалин.	"	№18450. ✓
3.	Подпр.	Василій Даниловичъ БОНДАРЕВЪ.	Томской.	Маріинск.	Георг.кр. 3-й ст.	№81676. ✓
2.	Взв.ф.	Иванъ Андреевичъ СТЕПАНОВЪ.	Рязанской	Спасск.	"	№81502. ✓
3.	Стар.ф.	Андрей Федоровичъ ПИРОГЪ.	Тобольск.	Тюкалин.	"	№81826. ✓ <i>оп. 252 стр. 36</i>
I.	Млад.ф.	Петръ Тимофеевичъ САДОВСКІЙ.	Харьков.	Купянск.	"	№81557. ✓
5.	"	Никита Петровичъ СОЗУЛЯ.	Кіевской	Сквииск.	"	№81514. ✓
5.	Бом.н.	Василій Федоровичъ СМОРОДСКІЙ.	Тобольской.	Тюкалин.	"	№81721. ✓
6.	Бомбар.	Аркадій Владимировичъ ЦЕХАНОВСКІЙ.	"	"	"	№81614. ✓
пр. бриг.	Бомб. разв.	Тимофей Ефремовичъ КУЧИНЪ.	Пензенск.	Инсарск.	Георг.кр. 4-й ст.	№540800. ✓
пр. I див.	Мл.ф. телеф.	Игнатій Тихоновичъ ТИХОНОВЪ.	Казанской	Лашневск.	"	№540776. ✓
I.	Бомб.	Николай Яковлевичъ МАКСИМЕНКО.	Кіевской.	Уманскаго.	"	№540611. ✓
I.	Канон.	Федоръ Басильевичъ БОГАТЫРЕВЪ.	Нижегор.	Нижегор.	"	№540702. ✓

Меня заставили разбить парад и дали задачу найти место, чтобы разместить 4–5 тысяч человек, чтобы место было ровное, чтобы можно было хорошо пройти церемониальным маршем, чтобы было безопасно от неприятельских аэропланов. Вот так задача! Я выбрал место на аэродромном плацу, а что касается безопасности от аэропланов, положился на милость Божью. И Господь мне помог, была такая снежная пурга, после чудных почти летних дней, что никакой аэроплан не рискнул вылететь.

Наступил день смотра, многие части прошли 30 верст, нам было близко, всего 5–6 верст. За 2 часа до приезда великого князя я приехал на место расположения частей и занялся их расстановкой. Пришлось поставить покоем в старых резервных колоннах. Каждый полк образовал два взвода, бригада и рота: 7-я и 10-я дивизии 5-го корпуса, 55-я и 67-я – 35-го корпуса, 25-я дивизия 36-го корпуса, 7-я и 8-я Сибирские нашего корпуса, затем артиллерия, саперы, казаки. Возня была порядочная, так что к приходу генерал Балужева я еще не успел все окончить.

Около 11 час. утра подъехал великий князь, я скомандовал: «На караул!» – и направился с почетным рапортом к его высочеству, который, приняв рапорт, подал мне руку и любезно спросил: «Как поживаете?» Затем великий князь, быстро поздоровавшись с Балужевым, не стал обходить войска, а вышел на середину и передал привет от государя, благодарил за геройские подвиги. Говорил он поспешно и недостаточно громко, так что большинство его не расслышало, даже я, стоявший недалеко, не понял его слов. Чудные звуки гимна исправили впечатление, вызвав гул восторга. Затем началась раздача крестов, каждому великий князь говорил: «От имени его величества!», – это было хорошо. Раздача длилась 2½ часа. Затем великий князь вышел на середину и крикнул: «Ура!» – в честь новых кавалеров Св. Георгия. Генерал Балужев крикнул: «Ура!» – в честь великого князя, а последний еще всем боевым начальникам. После этого войска, по моей команде, прошли церемониальным маршем прямо по своим частям. Начальствующим лицам и офицерам великий князь не проронил ни слова – это произвело на всех удручающее впечатление, а проходя мимо моего 30-го полка, сказал: «А, это полк, который сдался в плен?». Командир корпуса на это ответил, но очень слабо, без протеста, что в этом полку был прорыв, но в плен он не сдавался. Великий князь ничего не ответил, и впечатление от его слов так и осталось.

Я был вне себя, это заключение вывели в штабе армии из немецкой радиотелеграммы, в которой сообщалось об их ночной атаке и что они взяли 5 пулеметов и 2500 нижних чинов. Это радио послужило в руку штабу армии, который и нашел козла отпущения в 30-м полку в неудаче всей операции, так было доложено и в Ставке. Узнав об этом, я привел фактические данные, опровергавшие это обвинение, и доказал цифрами, что пулеметы в 30-м полку, все до единого, оказались после боя налицо, а стрелков не досчитались всего 232 человека, которые, быть может, и сдались немцам, но это не 2500.

Вот как делается история. Командир полка Изюмов, как я и писал, был трусом и показал себя очень с отрицательной стороны, я просил даже начальника дивизии его отрешить от командования полком, но Редько не захотел, люди же и офицеры были вне всяких подозрений.

К тому же 27-й Сибирский полк, сменив 30-й, нашел в лесу и лощинах еще несколько сот трупов стрелков 30-го полка и похоронил их, что также служит опровержением голословного обвинения полка в сдаче неприятелю. Было всегда невыгодно попадать в чужие корпуса или армии – выдвигали своих, а пришедших старались смешать с грязью, все сваливали на них. Редкие начальники выступали в защиту. Генерал Балуев – командир 5-го корпуса и в то же время, как я уже говорил, начальник группы 4-х корпусов, конечно, всю славу хотел приписать своим полкам 5-го корпуса и благодаря этому с самого начала сделал большую ошибку. Он повел наступление своими двумя дивизиями, не обеспечив себя сзади другими корпусами, уверенный, что с налета возьмет три линии окопов немцев, а наши корпуса подойдут уже на готовое и держал нас далеко.

Похороны стрелков 30-го Сибирского полка. Март 1916 года.

Но вышло иначе. С налета-то он взял, но имея поддержку слишком далеко, не мог развить успеха, а люди его, сделавшись хозяевами немецких окопов, тотчас разбрелись по ним и стали разбирать продукты, вино, коньяк и т.п., поднять их для дальнейшего наступления было уже трудно, момент был упущен, атака не была доведена до конца, и немцы, собравшись с силами, произвели контратаку. Чтобы спасти положение, а в то же время, не желая давать успеха другим, Балуев стал прямо трепать наши дивизии,

выхватывая из нее пачками даже отдельные батальоны, которые и посылал на помощь то туда, то сюда, только на 4-й день боев соединил опять нашу дивизию, растрепав по мелочам 30-й и 32-й полки, которые в таком виде и поступили под мое начало.

Прямо до слез было обидно. На совещании, бывшем потом у генерала Балужева, я все это вывел наружу.

Но я отвлекся от описания посещения великого князя. Обедали у Балужева. Великий князь сидел на главном месте, направо от него генерал Балужев, налево генерал Трофимов, около Балужева я. Обед прошел быстро, великий князь все шептался с Балужевым, который устраивал свои делишки. Из этого шептания я понял то, что Балужев для своего 5-го корпуса получил еще 600 георгиевских крестов. За обедом никаких разговоров не было. Когда встали из-за стола, великий князь подал всем руку и пошел в кабинет к Балужеву. Я полудемонстративно вышел на крыльцо, крикнул казака с лошадью и уехал к себе в Сивцы.

В весьма удрученном состоянии возвращался я и думал, как это не умеют ничего устроить, сами все портят. Ведь насколько было бы лучше, насколько больше впечатления произвело бы прибытие посланца царя, если бы для него не устраивали бутафорского парада, а он бы сам объехал войска в местах их стоянок, побывал бы и в окопах, это конечно заняло бы несколько дней, но зато и великий князь мог бы доложить государю, как действительно живут полки, и войска бы увидели посланца царя у себя – это бы имело колоссальное влияние на настроение войск, подняло бы дух. Конечно, это представляло известный риск, но я смотрю так, что даже если бы великого князя какая-нибудь шальная пуля и настигла где-нибудь в окопах, то и такого рода жертва окупилась бы вполне тем моральным впечатлением, которое бы она произвела на войска, сознанием, что и великие князья жертвуют своей жизнью за царя и Родину, а не только пребывают в тылу и занимаются от нечего делать интригами.

Я очень уговаривал начальника дивизии поехать к генералу Эверту восстановить истину о 30-м полку, но генерал Редько был таким формалистом и так боялся начальства, что я наконец мог его уговорить только поехать к командиру корпуса Трофимову, который первый обратил внимание на немецкое радио и приписал его 30-му полку.

Ничего из этого не вышло, Редько не сумел толком поговорить с Трофимовым, привез ему только цифры, а тот ему ответил такую чепуху: «Я пошлю пересчитать трупы».

К счастью, мне пришлось быть у Трофимова, и когда он заговорил о прорыве, то я ему столько истины наговорил самой горькой и так ему горячо и картинно рассказывал, как было дело, и почему немцы потом больше не атаковали, что он сразу замолчал, переменил тон и сказал, что он себе все иначе представлял.

Все удивлялись, что я так близко к сердцу принимал такие обвинения 30-го полка, так возмущался, мне говорили, что к этому надо привыкнуть, что в случае неудачи свыше стараются всегда обвинять войска, считая себя

безгрешными и не желая даже вникать в дело, что такой хаос, который был за этот период боев бывал и раньше, мне приводили и худшие примеры. Я не мог с этим мириться и просил даже командира 26-го Могилевского полка полковника Лебедева, как постороннее лицо и из корпуса Балуюева, дать мне оценку действий 30-го полка, когда этот полк находился в его распоряжении, он прислал мне следующий отзыв, который я представил начальству:

«29 марта 1916г. №132

Командиру бригады 8-й Сибирской стрелковой дивизии

8 и 9-го марта я командовал тремя полками (25-м Смоленским, 26-м Могилевским, 30-м Сибирским стрелковым), развивая прорыв, сделанный около 5 часов утра 8-го марта 25-м Смоленским полком южнее д. Близники у креста на перекрестке дорог. Отправляясь к выс.94,2 я нагнал 30-й Сибирский стрелковый полк у дер. Колодно, который в походной колонне двигался к правому флангу 10-й дивизии. Обгоняя полк, я говорил, что смоленцы прорвали проволочное заграждение немцев и что надо спешить вперед, на что роты 30-го полка ответили ускорением своего шага.

После 7 ½ час. утра 8-го марта 30-й Сибирский стрелковый полк был отдан в мое распоряжение и получил задачу продвигаться быстро вперед через прорыв на высоте со сломанным деревом (цель №10), развивая 1 и 2 батальонами успех в западном направлении через большое болото, имея цель захватить дорогу (2-ю позицию) на участке от узла дорог Аугустово[Августово], Близники, Мокрица (правый фланг) до «Фердинандова Носа» (левый фланг). В моем распоряжении остались 3-й и 4-й батальоны 30-го полка.

Полковник Изюмов прибыл со своим штабом во 2-ю линию германских окопов, где я вместе с ним вел личную разведку. К этому времени 30-й Сибирский полк, развернувшись на восточном крае большого болота, вел разведку, после которой двинулся вперед и дошел к 11-ти час. утра к дороге Близники, Мокрица под пулеметным и ружейным огнем противника. Из окопа я видел движение на «Фердинандовом Носу» отдельных групп, силой 8-10-15 человек каждая, были ли это немцы или сибирцы, мы различить не могли.

Вскоре дальнейшее наступление было приостановлено приказом свыше. Из разговоров с генералом Надежным, я выяснил, что 10-я дивизия заняла рошу восточнее выс. 92, что южнее болота. Увидя более 1½ вер. дистанцию между своим левым и правым флангами 10-й дивизии я приказал командиру 30-го Сибирского полка выдвинуть из резерва 4-й батальон и поставить его уступом за левым флангом передового 2-го батальона для связи и обеспечения слева захваченного пространства. В резерве на всем моем участке остался только 3-й батальон 30-го Сибирского полка. Последний сделал большую работу – он перенес по моему приказанию германские рогатки на западную сторону германских окопов и начал последние превращать для стрельбы по немцам. Около 2-х часов дня я от полковника Изюмова узнал, что генерал Надежный подчинил себе левофланговые части 30-го Сибирского полка и загнул их несколько назад,

для уравнивания фронта с правым флангом 10-й дивизии, здесь для той же цели был поставлен один батальон Томского полка.

В общем 8-го марта 25-й Смоленский, 26-й Могилевский, 30-й Сибирский полки захватили у немцев пространство по фронту 2 версты и глубиной почти столько же. Если бы это наступление было поддержано артиллерией, то и 2-я позиция противника была бы нашей. Должен отметить, что 8-го марта 30-й Сибирский полк действовал отлично. Свидетельствую, что 8 марта полковник Изюмов и его штаб работали вовсю – энергично, и полк достиг тех результатов, которых тщетно добиваются части 35-го корпуса в настоящее время (29 марта).

В ночь на 9 марта 2 ½ батальона были сменены Тобольским полком. 1 ½ батальона остались почему-то не смененными. Находясь в болоте, они промокли, а затем подмерзли. Около 2 часа дня 9 марта роты эти, после 2-х суток крайне напряженной работы при самой неблагоприятной обстановке, отошли вследствие ураганного артиллерийского огня противника и поступили в резерв на присоединение к своему полку. По докладу командира полка полковника Изюмова 30-й Сибирский полк понес утром 8 марта потери более 200 человек.

*Начальник боевого участка 7-й пехотной дивизии
командир Могилевского полка, полковник Лебедев.
Полковой адъютант поручик Жуковский».*

Выступление двумя полками в фольварок Гать

31 марта я получил приказание с 29-м и 31-м полками выступить в ф. Гать, для поддержки атаки 5-го корпуса. Выступили мы с вечера и в 4 часа утра 1-го апреля были на месте. Переход был легкий, хотя и ночной. Разместились мы в страшной тесноте, так что я просидел все время на воздухе. В бой нас так и не втянули и в ночь на 2-ое вернули обратно. Выступили из Гати опять в 11 вечера, ночь была чудная лунная, красота удивительная. Я пропустил в пути оба полка мимо себя поротно, люди шли как на параде, полки были уже пополненные, настроение чудное.

Это была последняя попытка атаковать немцев в районе оз. Нарочь. Она окончилась неудачно, я простоял сутки со своими двумя полками в ф. Гать, нас никуда и не вызывали и вернули обратно.

4-го апреля группа войск генерала Балужева была упразднена, все корпуса, кроме 5-го вышли из его подчинения, и он обратился к войскам группы с прощальным приказом:

«4 апреля 1916г. №39

Приказ группе корпусов генерала Балужева.

Приказом командующего армией от 4 апреля перестает существовать группа корпусов, объединенная под моим начальством. 18-го февраля, сперва в составе трех корпусов: 5-го армейского, 36-го армейского и 3-го Сибирского, а с 10-го марта и 35-го армейского корпуса. Сверх того в

группу вошли Уральская казачья дивизия, многие части тяжелой артиллерии, несколько инженерных частей и авиационных отрядов.

В течение целого месяца части группы вели непрерывные бои, и хотя мы не достигли намеченных результатов и не можем быть довольны нашими успехами, все же, оглядываясь назад, я должен признать, что все входившие в состав группы части вложили в общее дело полное свое усердие, и каждый в отдельности и все вместе с исключительным напряжением старались достичь нетерпеливо ожидаемой нами победы над противником. Много за это время, конечно, принесено жертв, много пролито крови в рядах группы, но и много сильных ударов нанесено противнику и большие причинены ему потери.

От души желаю, чтобы приобретенный за этот период опыт послужил всем к дальнейшему самосовершенствованию и на пользу всему нашему делу.

Расставаясь ныне со своими соучастниками в месячной боевой операции, я чувствую потребность высказать свою признательность командирам 35-го, 36-го и 3-го Сибирского корпусов за их сотрудничество и вложенные в совместную работу труды, и благодарю всех генералов, штаб и обер-офицеров частей и штабов группы, а молодцам нижних чинов объявляю мое спасибо.

Мир праху тех, кто положил свою жизнь на алтарь Родины.

Командующий группой, генерал-от-инфантерии Балугев.

Начальник штаба группы, генерал-майор Вальтер».

Назначение Климовича директором Департамента полиции

В марте месяце состоялось назначение Климовича – директором Департамента полиции. Я послал ему по этому поводу привет, на какой получил следующее письмо:

«30 марта 1916г.

Глубокоуважаемый Владимир Федорович!

Урвав свободную минутку, спешу поздравить Вас с наступающими праздниками и от всей души поблагодарить Вас за Ваш теплый привет по поводу моего нового назначения.

Не могу скрыть того, что назначение это меня сильно огорчило, т.к. я определенно чувствовал себя в Москве более на месте, чем здесь. Такой тяжелый труд, с которым мне пришлось проложить себе в Москву дорогу, потребовал затраты слишком большой энергии и бросить уже налаженное дело было очень жаль.

Наконец и избаловала меня самостоятельность в делах, и добрые отношения москвичей, которые удалось завоевать. С генералом Мрозовским жилось и служилось прекрасно, и он нисколько не стеснял моей самостоятельности, сильно поддерживая, где нужно.

Положение же департамента Вы знаете – инструмент, плохо приспособленный для боевого дела, да и надежды мало на то, что мы перейдем к активным действиям. Пассивная же роль очень неблагоприятна, да и, увы, не соответствует современному положению вещей. На московских съездах опять наговорили очень много. Было конечно и «ответственное министерство» и «четырёххвостка». «Союз союзов» и «Совет рабочих депутатов» уже готовы. Тактика их сводится к тому, чтобы «поднести правительству к носу кулак» в виде организованного пролетариата и тем принудить на капитуляцию перед так называемой «общественностью». Не хватает им еще организованного крестьянства, т.к. в Москве закрытием Центрального кооперативного комитета я затормозил им это дело.

Съезд военно-промышленных комитетов показал, что рабочие группы почти уже обратились в Совет рабочих депутатов. Тут ответственное министерство уже было включено и в резолюцию. Надеюсь, что авось хоть развитию этого движения положим предел.

Дело пенсии Блащука я двинул и надеюсь, что успех будет.

Жена и я шлем вам наш искренний привет и самые сердечные пожелания всего наилучшего.

*Искренно преданный Вам и любящий вас
Е. Климович».*

Мне очень было жаль, что Климович оставил Москву и где он действительно приносил много пользы, на его место был назначен мой товарищ по Пажескому корпусу, бывший гродненский губернатор Свиты генерал Шебеко. Я о нем уже писал в своих воспоминаниях за 1914-15гг. Для Москвы в должности градоначальника он был лицом далеко не подходящим.

2 апреля я был у всенощной в Талупе и исповедовался у местного священника, причащался на другой день за обедней в 32-м полку.

Возвращение дивизии на старую стоянку в Высоковщизну. Мое назначение в комиссию Балугева

5-го днем получено было приказание нашему корпусу отойти в резерв главнокомандующего в районе между ст. Будислав [Будслав] и Кривичи за железную дорогу, переход мы должны были сделать в 45 верст.

Полки уже выступили, выслав вперед квартирьеров, как вдруг последовала перемена – корпус перевести из 2-й в 4-ю армию, которой командовал генерал Рагоза. Пришлось рассылать конных ординарцев догонять полки, чтобы их вернуть, и все это ночью, только успели они вернуться, как новое приказание – дивизии двинуться в район Высоковщизны, куда прибыть не позднее утра субботы на Страстной неделе. Я же получил назначение в особую Комиссию под председательством генерала Балугева по выяснению причин неудачи при наступлении его группы и потому остался один в деревне Сивцы.

6-го апреля начались заседания комиссии, приходилось в течение трех дней 6–8 апреля ежедневно ездить в деревню Узлы к Балугеву.

В комиссии приняли участие кроме меня начальник штаба 5-го корпуса генерал-майор Вальтер – на редкость благородный человек, сглаживающий все время бестактные выходки своего начальника генерала Балуюва, начальники штабов 7-й и 67-й пехотных дивизий, командир 10-й артиллерийской бригады полковник Пашенко, 25-й артиллерийской бригады полковник Гашкевич и командиры полков: 25-го Сибирского полковник Кондра, 39-го Томского Пацевич и 220-го пехотного полковник Бонч-Богдановский. Кроме того для участия в комиссии были командированы Генерального штаба генералы Ярон и Ельчанинов, как представители штаба фронта.

Всем казалось странным, что Балуюв, самое заинтересованное лицо в этом деле, назначен был председателем комиссии. Очевидно, все было направлено к тому, чтобы обелить его 5-й корпус и закидать грязью остальных и прежде всего наш 3-й Сибирский, который все время дергали, сутили, бросали пачками то сюда, то туда, делая его ответственным за все неудачи.

Заседания этой комиссии произвели на меня удручающее впечатление, Балуюв вел их до неприличия пристрастно, отрицательно относясь к действиям всех корпусов, кроме своего 5-го, неудачные действия которого определенно умалчивались, в случае же возбуждения кем-либо из членов комиссии вопроса по поводу их, Балуюв выходил из себя и как председатель комиссии старался затушевать его.

Началось заседание нормально и вполне корректно – генерал Балуюв начал с того, что им допущена была большая ошибка, что он уступил приказанию командующего армией, разбив 3-й Сибирский корпус на бригады по всему участку, между тем его желание было сосредоточить весь корпус за правым флангом, дабы воспользоваться им для развития успеха 8 марта, двинув вперед для дальнейшего наступления.

Сказав это генерал Балуюв стал порицать действия моего начальника дивизии генерала Редько, который будто бы, 8 марта, на его требование немедленно выдвинуть 30-й и 32-й полки в помощь 5-му корпусу, стал говорить о том, куда он поместит свой штаб, как он устроит связь и т.д., одним словом, больше заботился о себе и о штабе, чем о помощи, вследствие чего, хотя 30-й полк и подошел вовремя, но 32-й задержался невероятно долго, пройдя будто бы 10 верст в течение 8 часов и то после категорической депеши, которую Балуюв прочитал нам. Все это по его словам и задержало наступление. Я, к сожалению, не мог ответить на эти обвинения, т.к. не был в курсе дела, находясь в то время еще в дер. Любки с 31-м полком на самом левом фланге, но мне было очень неприятно все это выслушивать.

Затем Балуюв перешел к критике атаки «Фердинандова Носа», в которой я принимал ближайшее участие в ночь с 12-го на 13-ое. Выслушав его обвинения в действиях нашего корпуса, я заявил, что неудача атаки произошла главным образом вследствие того, что проходы в проволочных заграждениях на участке 32-го полка не были проделаны артиллерией. Командир же 25-го полка прибавил, что и на участке 26-го полка они тоже не

были сделаны. Балуюев возразил, сказав, что командир корпуса генерал Трофимов в 7 часов вечера заявил ему, что к атаке все готово, что проходы сделаны, я позволил себе заметить, что сообщение командира корпуса очевидно явилось недоразумением, т.к. я лично проверял успехи артиллерии и ручаюсь, что проходы сделаны не были, почему я и донес начальнику дивизии, прося при этом срочно прислать мне щиты, сапер с подрывными минами и т.д. Тогда Балуюев стал порицать действия Трофимова, говоря, что 3-й Сибирский корпус в течение 4-х дней знал, что ему придется атаковать «Фердинандов Нос» и не принял никаких мер для образования проходов.

Это меня возмутило, он явно передернул, я принужден был заявить, что 4-х дней быть не могло, т.к. 3-й Сибирский корпус сменил на этой позиции его 5-й корпус всего за 2 дня до атаки и раньше сменить не мог, т.к. в ночь с 9-го на 10-ое марта «Фердинандов Нос» был атакован полками 10-й дивизии его 5-го корпуса, следовательно 3-й Сибирский корпус на этом участке никак не мог распоряжаться и знать, что ему предстоит атаковать «Фердинандов Нос». Затем я прибавил, что раз идут разговоры о причинах неудачи этой атаки частями 3-го Сибирского корпуса, то интересно было бы выяснить, почему эта же атака не удалась в ночь с 9 по 10 марта и 5-му корпусу, тем более что атака повторная в одном и том же направлении бывает всегда труднее в случае неудачи первой.

Я попал этим Балуюеву не в бровь, а в глаз. Он такого выпада от меня не ожидал. Все как-то присмирели и ждали, что скажет Балуюев. Он смело заявил, что никакой атаки 10-й дивизии его корпуса на «Фердинандов Нос» не производилось, что половина этой дивизии замерзла и была отведена, что первым атаковал этот пункт 3-й Сибирский корпус. Я заметил, что климатические условия были одинаковы для обоих корпусов и настаивал на своем, что 10-я дивизия атаковала, но неудачно, он же все отрицал. Тогда я вынул из портфеля приказ по моей дивизии, у коей был напечатан приказ самого Балуюева о производстве атаки «Фердинандова Носа» частями 10-й дивизии в ночь с 9 на 10-ое. Балуюев и тут не согласился и спросил меня, кем этот документ подписан. Я ответил: «Генерал Редько». «Я не отвечаю за чужие приказы, я говорю, что 10-я дивизия не атаковала и довольно», – резко ответил Балуюев. Но меня не так легко обойти; я заявил, что в таком случае я, вернувшись в дивизию, постараюсь выяснить, почему в приказе по дивизии помещен был не существовавший приказ его, Балуюева? А для полноты картины я просил все же огласить все приказы по группе. Он и слушать не хотел, рассердился, сказал, что он никаких доказательств приводить не будет, что он сказал и довольно.

Я все же не унялся и настойчиво стал просить огласить журнал боевых действий за 9 и 10 марта, в чем получил наконец поддержку генерала Ярона. Тогда начальник штаба 5-го корпуса Вальтер, которому очевидно стало стыдно за своего генерала и видя, что я не отстану все равно, сказал, что атака 10-й дивизии имела место действительно. Балуюев побагровел, все переглянулись между собой, почувствовалась неловкость. Чтобы выйти из положения, Балуюев вскочил, ударил кулаком по столу и, обратясь ко мне

сказал: «Я вижу, что Вы стремитесь доказать, что я придираюсь и пристрастно отношусь к действиям 3-го Сибирского корпуса?» Я ответил совершенно хладнокровно: «Этого я, Ваше высокопревосходительство, не сказал, но я стою за то, чтобы все действия всех частей были одинаково разобраны, а я вот второй день слышу только одни нападки на 3-й Сибирский корпус, представителем коего я являюсь, во всех неудачах оказывается виновным он один и даже такие боевые действия, как занятие длинного леса, за которое 8-я дивизия получила особую благодарность командующего армией, были тоже осуждены. Себя лично я не защищаю, это был мой первый опыт, быть может, я наделал по неопытности много ошибок и готов выслушать любое осуждение моих действий, но выслушивать хладнокровно огульные обвинения всего корпуса я не могу и прошу извинения, если я по горячности, может быть, и сказал что лишнее».

«Вас никто и не обвиняет, Ваши действия критики не заслуживают», – сказал Балугев, и инцидент был исчерпан.

Вся эта полемика шла между мной и Балугевым без всякого участия остальных членов комиссии, но я чувствовал, что все они были на моей стороне, но боялись выступить, большинство было в зависимости от Балугева.

После небольшого антракта заседание возобновилось, разбирался самый больной вопрос – прорыв линии 30-го полка в ночь с 13 на 14 марта. Балугев держал себя совсем иначе, никаких инсинуаций и нападков на 3-й Сибирский корпус уже не было, прения вели беспристрастно, было прочитано донесение командира 3-го Сибирского корпуса, на имя командующего армией, составленное по моему донесению, все спокойно выслушали, было высказано сожаление, что 26-й и 32-й полки при атаке «Фердинандова Носа» не были объединены под общим командованием и войска не были своевременно снабжены средствами для уничтожения проволочных заграждений.

По окончании заседания состоялся обед, все вошло в колею, страсти улеглись и мы расстались без всяких инцидентов, я вернулся к себе в Сивцы. Это был страстной четверг. Вернувшись к себе, читал в своей халупе «Двенадцать Евангелий» всему своему штату и семье крестьянина избы, в которой я жил.

На другой день в пятницу было последнее заседание комиссии, началось в 9 часов утра и в 2 окончилось, прошло оно мирно, разбирались действия других корпусов, так что меня не затрагивали. В 2 часа дня сейчас после заседания мы все пошли в местную церковь на вынос плащаницы. Было очень приятно, что удалось в этот день побывать в церкви, народу было мало, но служба была скромная, но чинная, служили очень трогательно и хорошо. По окончании службы обедал у Балугева, после чего простился с ним и просил его извинить меня за некоторые резкости на заседаниях. Со своей стороны он тоже просил извинить и его, мы расстались дружески.

Полтора года спустя, уже после переворота, когда он назначен был главнокомандующим фронтом, заменив Эверта, он проявил относительно меня много благородства. Когда открылась вакансия командира 3-го

Сибирского корпуса – того самого, из-за которого у меня вышла с ним перепалка, то выбор его пал на меня и он вошел с представлением о назначении меня, дав обо мне выдающуюся аттестацию.

В то время Верховным главнокомандующим был Керенский, который не согласился на мое назначение. Балуев проявил тогда большое гражданское мужество, послав телеграмму начальнику штаба Верховного главнокомандующего, что если его представление не будет утверждено, то он просит освободить его от обязанностей главнокомандующего. Я был назначен, и Балуев ко мне относился все время совершенно исключительно.

Отъезд мой к дивизии

Итак, простившись с Балуевым, я сел на лошадь и верхом в сопровождении двух казаков выехал в Вилейку, где я должен был получить сведение о местонахождении штаба дивизии. В этот день с утра лил дождь, была ужасающая погода, так что я промок насквозь. Дорога была убийственная, были места, где верхом с трудом можно было проехать.

Около 8 вечера приехал я в Вилейку прямо в **Иверский госпиталь**, где меня встретили с распростертыми объятиями, отвели чудную комнату, всячески ухаживали за мной. Я почувствовал такое наслаждение, очутившись после месячного скитания в приличной обстановке. Ночью отправился в местную церковь на погребение Христа. В субботу утром получил депешу о месте стоянки штаба дивизии, тотчас отправил туда свой обоз, сам же остался обедать у милых радушных сестер и врачей и выехал только в 4 часа в Высоковщизну – в знакомое место.

Погода была хорошая, переход в 30 верст я сделал легко и незаметно, приехал в 8 часов вечера, застал полный разгар по приготовлению к празднику Святой Пасхи. В штабе дивизии меня радостно встретили, начальник дивизии мрачный Редько и тот не знал как выразить свою радость. Я почувствовал себя в родной семье, было удивительно приятно. А к тому я встретил и друзей своих, привезших подарки моей дивизии – Апарина с Катей и Гришей Неклюдовыми.

В.Ф. Джунковский вместе с сослуживцами и сестрами Гродненского отряда. 10 апреля 1916 года.

Приехал я страшно усталый, взял ванну, чтобы немного освежиться, разобрал привезенные мне вещи из Петрограда от моей сестры и только-только успел я все это сделать, как надо было идти к заутрене. Церковь была устроена в огромном сарае стараниями сапер, внутри и снаружи они очень красиво разукрасили, провели электричество, устроили снаружи иллюминацию, а на верху крыши над входом водрузили большой крест из электрических лампочек, который эффектно сиял на темном небосклоне. Все это зажглось, когда крестный ход, обойдя вокруг сарая, остановился у главного входа и духовенство и певчие запели «Христос Воскресе». Только служба не отличалась большой торжественностью, хотя служили по-монастырски, заутреня окончилась в 2 часа, а обедня в 3 ½ часа утра, пели довольно плохо, не успели подготовить хора. Я от усталости не выдержал и должен был уйти среди службы. Придя в себя, я сел на стул и моментально уснул, проснулся, когда пришел священник святить куличи и пасхи. После обедни у нас было разговенье, присутствовали сестры Гродненского отряда, вернувшегося к нам в дивизию, было очень оживленно, но я от усталости почти не мог принимать участия в этом явлении. Разошлись около 5 часов, я проспал как убитый до 11 часов. Когда я проснулся, мне доложили, что приехали Матвеевы. Они привезли два вагона подарков, приехали они на ст. Кривичи и, узнав, что мы из того района ушли, направились в Молодечно, где просидели всю пасхальную ночь на перроне станции, к утру раздобыли

телегу и притащились к нам. Я очень рад был их опять увидеть, подарков моим стрелкам они привезли еще больше, чем в прошлый раз.

В первый день праздника я съездил только к командиру корпуса поздравить его с праздником и доложить о результатах заседания у Балуева. На второй день я повез Апарина и Неклюдовых в 29-й полк, где они раздавали подарки, а я христосовался с офицерами, фельдфебелями и георгиевскими кавалерами. Отобедав у командира полка, мы вернулись домой. К этому времени прибыли вагоны с подарками, привезенными Матвеевыми и я поехал на ст. Пруды, чтобы рассортировать с ними вещи. Это заняло очень много времени, мы вернулись только в 10 час. веч.

12-го числа раздавали подарки, утром артиллерии, казакам, саперам, 30-му и 31-му полкам, обедали в 31-м полку, после обеда проехали в 32-й полк, раздавали подарки и ужинали в лазарете Красного Креста.

13-го числа просидели дома, я возил только Апарина и Неклюдовых в дер. Заскевичи, откуда как на ладони видна была вся немецкая позиция. Вечером они уехали, все чины штаба провожали их на вокзале.

14-го апреля Матвеевы провели весь день в 65-й дивизии, которая стояла в передовой линии, они и туда отвезли массу подарков.

15-го апреля провели время у себя, вечером провожали Матвеевых, я вызвал на вокзал хор музыки 32-го полка, проводы были прямо торжественные, все начальники частей дивизии собрались, чтобы их благодарить – ведь это прямо не поддавалось описанию, сколько они навезли вещей и подарков, и все исключительно практичные, особенно из одежды. Каждому чину дивизии досталось по два подарка.

Стрелки были в восторге. Среди подарков были и от Главного комитета Земского Союза и от Лицея цесаревича Николая и от воспитанников моей Практической академии и от всевозможных обществ и разных частных лиц. Всех я благодарил письменно. Земскому Союзу и Лицею я послал следующие депеши:

«8-я Сибирская стрелковая дивизия шлет вам благодарность за трогательные заботы о ней. Присланные подарки говорят нам о горячем желании доставить русскому воину к праздничному дню те маленькие удовольствия, которые обычно украшали для него этот день в мирное время, и удовлетворить мелкие нужды его теперешней походной жизни. Грозный и злобный враг, вопреки своей воле, сковал Россию в одно великое и непобедимое целое, и ее доблестная армия, черпая свои силы из неиссякаемого источника единения со страной, со спокойной уверенностью продолжает свое боевое дело для окончательной победы над врагом».

«Вчера сибирские стрелки 8 дивизии были глубоко растроганы дорогим вниманием к ним Императорского лицея цесаревича Николая. От себя и стрелков шлю вам, учебному персоналу и воспитанникам дорогого мне родного Лицея нашу сердечную благодарность за заботы и чудные подарки, которые доставили большую радость стрелкам, доблестно сражавшимся в течение всего марта. Оказанное им внимание даст им новые силы и бодрость на сокрушение врага».

А начальник дивизии Редько послал депешу князю Львову:

«Восьмая Сибирская Стрелковая дивизия в этом году встречала Светлый день Христова Воскресения вместе с представителями Всероссийского Земского Союза, привезшими, по поручению Союза, пасхальные подарки. В них, в этих подарках, каждый из нас почувствовал и ласку, и заботу о нас родной земли. В этой тесной любовной связи между отдельными уголками нашей великой Родины и ее сынами, сражающимися за ее благо, целость и честь, мы черпаем новые силы и бодрость на продолжение боевой работы.

Вверенные мне сибирские стрелки 8-й дивизии, весьма чутко относящиеся к каждому вниманию тыла, глубоко тронуты щедрыми подарками от имени Земского Союза, к учреждениям которого, развернутым по всему фронту, они привыкли относиться с большим уважением и в бою на деле отблагодарят за дорогое к ним внимание.

От души желая Всероссийскому Земскому Союзу дальнейших успехов в работе на славу нашей доблестной армии, прошу Ваше сиятельство верить в глубокое мое уважение и преданность».

Переход дивизии в дер. Ковальцы

17 апреля нас опять двинули на новое место в дер. Ковальцы, где штаб расположился в деревне. Я приехал туда только к вечеру, т.к. ездил верхом за 35 верст в г. Вилейку с двумя офицерами штаба Хрипуновым и Василенко за автомобилем дивизии, который целый месяц простоял там, **в Иверском госпитале**, вследствие бездорожья. Нас встретили как родных, мы отобедали у персонала госпиталя и пробыли у них несколько часов, выехали от них уже на автомобиле и быстро, менее двух часов, проехали до **дер. Ковальцы. Мне отвели очень хорошую халупу, в которой после усиленных занятий по уничтожению блох и тараканов, устроился очень уютно и хорошо.** В этот день все сибирские части получили следующую бумагу из штаба фронта, которая нам доставила большое удовольствие:

Копия с копии

9 апреля 1916г.

*Циркуляр отделения генерал-квартирмейстера штаба
главнокомандующего армиями Западного фронта
начальнику штаба 2-й армии №12979/617б*

*Корреспондент «Кельнише-Цайтунг» от 29-го марта пишет:
«Русские весьма редко наступают днем, да и то лишь в случае густой метели. Зато ночью в бурю, когда не выгонишь собаки на двор, можно почти быть уверенным, что русские появятся. Это вынуждает быть чрезвычайно бдительным, так как русские ловки и хитры, знают всякого рода уловки, а потому с их стороны возможны всякие неожиданности. Здесь действуют преимущественно сибирские полки, заключившие братский*

союз с чертом. Для них самая отвратительная погода кажется наиболее подходящей для нанесения германцам визита».

Главнокомандующий приказал сообщить этот отзыв немецкого корреспондента о наших сибирских войсках командирам 1-го, 3-го и 6-го Сибирских корпусов и начальнику 11-й Сибирской дивизии для сообщения офицерам и нижним чинам.

Подлинный подписал генерал-майор Лебедев.

*Скретил и.д. начальника отделения,
подполковник Прозвицкий».*

Мое донесение Балуюеву

18 апреля я получил депешу от начальника штаба 5-го корпуса генерала Вальтера, что генерал Балуюев ждет от меня мое мнение о причинах неудачи наступления в район оз. Нарочь, т.к. неполучение им моего мнения задерживает его представление командующему армией.

Дело в том, что когда заседание у него закончилось, он обратился с просьбой ко всем членам совещания прислать ему в течение ближайших пяти дней письменно изложенные мнения каждого. Я тогда же решил, что ничего писать не буду, находя это излишней тратой времени и бумаги.

Прошло, таким образом, десять дней, очевидно, все представили, кроме меня. Получив депешу Вальтера, было уже неловко не ответить, написать мне было нетрудно, одно было жаль – гонять казака за 75 верст, т.к. Балуюев находился в то время в 75 верстах от дер. Ковальцы. Делать было нечего, я написал следующее:

«18 апреля 1916г. №88

*Командиру 5-го армейского корпуса
дер. Ковальцы*

Во исполнение выраженного вашим высокопревосходительством желания представляю свое личное мнение о причинах, влиявших на ход боевых действий в марте месяце между озером Нарочь и Вишневоое и разбиравшихся в Комиссии под вашим председательством.

Резко обозначившийся успех 8-го минувшего марта на фронте 5-го армейского корпуса – прорыв и захват германских окопов, причем было взято около 20 офицеров и более тысячи нижних чинов в плен и много трофеев, не был своевременно развит за отсутствием вслед за наступавшими частями сильных резервов, которых можно было бы бросить вперед и сильным сосредоточенным ударом на следующую линию германцев, не дать им там остановиться и устроиться. Вместо этого сосредоточенного удара поддержка направлялась пачками – полками, что произошло вследствие того, что находившийся в резерве 3-й Сибирский корпус не был сосредоточен вместе, а разделен на части не только по дивизиям, а и по полкам.

Не следовало спешить с атакой противника, когда состояние атмосферы и погоды не давали достаточно, а иногда и вовсе возможности наблюдения за падением снарядов во время артиллерийской подготовки, точно также не следовало пускать в атаку войска на позиции, когда заведомо было известно, что проволочные заграждения на оных нетронуты нашей артиллерией.

Недостаток технических средств для разрушения проволочных заграждений, когда артиллерия не смогла их разрушить. Полкам 8-й Сибирской стрелковой дивизии перед выступлением из района м. Сморгонь было приказано сдать щиты полкам 26-го корпуса, а по приходе в район 5-го корпуса на позицию они щитов не получили и с большим трудом им удалось их получить в очень малом количестве от инженера штаба группы. Пироксилиновые заряды, благодаря особенности японского пироксилина, не взрывались, пироксилина же русского почти не было, саперы его добывали, разряжая ручные гранаты, что не может быть признано нормальным. **Штыковые ножницы оказались негодными, ручные быстро зазубривались о толстую граненную немецкую проволоку и т.д.**

Недостаток тяжелых снарядов: уже на второй день боя было приказано беречь снаряды, вследствие чего действительно ураганного огня, сосредоточенного и сметающего развить было нельзя.

Несогласованность действий артиллерии с пехотой. Артиллерия была разделена на группы и действовала самостоятельно, выполняя задачи, выработанные своей группой. Начальники группы распоряжались даже батареями, находившимися в распоряжении начальников боевых участков, не предупреждая этих последних. Пехоте, чтобы попросить открыть стрельбу по нужным ей целям приходилось пройти несколько инстанций, вследствие чего на переговоры по телефону, который бывал при этом постоянно занят, тратились часы. Не оставалось без влияния и то, что артиллерия, распределенная на позиции по группам, приноровлена была к позиционной войне, но не к наступлению.

Атака одной высоты на протяжении 1–2 верст поручалась двум полкам разных дивизий, без объединения начальствования одним лицом, вследствие чего являлась несогласованность в выполнении одной задачи.

Установившаяся в войсках боязнь ответственности за потерю пулеметов в бою, даже хотя бы пулеметы были взяты с боя и с последним выпущенным в упор патроном, ведет к тому, что это сильное огневое средство далеко не всегда остается использованным до конца и в самые решительные и трудные моменты, как только начинает грозить опасность, пулеметы оттягиваются назад.

Исключительно неблагоприятные условия для ведения операции – время года (оттепель), погоды (дожди, метели, туманы) и топографические (болото, топкий грунт). Все это нарушало расчеты. Кроме того дожди и туманы сменялись метелью и ночными заморозками. Люди, промокшие до нитки днем, застывали ночью. Обогреться нельзя

было, за невозможностью разводить огонь. Пищу можно было подвозить с трудом один раз в сутки и только ночью.

Хотя и было приказано чернильницы закрыть, но это оказалось только на бумаге, слишком много было самых разнообразных запросов, далеко не всегда имевших прямое отношение к операциям; все запросы без исключения были «спешные», «срочные», не считая постоянных запросов по телефону.

Донесения о ходе боевых действий, кроме экстренных требовались каждый четный час – это все отвлекало от серьезной боевой работы и начальникам боевых частей приходилось во время самых серьезных минут напряженно думать, как бы не опоздать с донесением.

*Командир бригады 8-ой Сибирской стрелковой дивизии
Свиты его величества
генерал-майор Джунковский».*

В этот же день мне вернули для дополнения мое представление к наперстному кресту на Георгиевской ленте благочинного дивизии священника 32-го полка отца Мансуровского, которого, из-за каких-то личных расчетов, командир полка представил не к боевой награде, а к сану протоиерея. Поэтому, дабы подкрепить мое ходатайство за него, я донес начальнику дивизии следующее:

*«19 апреля 1916г. 16 час. 30 мин. №89
Начальнику 8-й Сибирской стрелковой дивизии
дер. Ковальцы*

Вследствие приказа вашего превосходительства о дополнении показания о подвиге священника 32-го отца Павла Мансуровского, который я вопреки ходатайства командира полка о награждении его саном протоиерея представил к награждению наперстным крестом на Георгиевской ленте, доношу, что о. Павел Мансуровский на моих глазах, отправился в самый разгар боя 13-го минувшего марта под сильным ружейным, пулеметным и артиллерийским огнем в расположение передовой линии, откуда роты 1-го и 2-го батальонов переходили в атаку. Здесь о. Павел Мансуровский благословлял стрелков, направлявшихся в атаку, утешал раненых, распоряжался уборкой трупов, под его личным наблюдением были вынесены трупы убитых офицеров прапорщиков Гроссет и Люкшина. Такое самоотвержение, воодушевлявшее войска и бесстрашие, служившее им примером, заставляет меня вновь усиленно ходатайствовать о награждении о. Павла наперстным крестом на Георгиевской ленте.

*Начальник боевой части
Свиты генерал-майор Джунковский».*

Командир 3-го Сибирского армейского корпуса О.В. Трофимов и В.Ф. Джунковский у полевой кухни в 28-м Сибирском полку. 1916 год.

[...]

Переформирование полков из 4-х батальонного состава в 3-х батальонный. Формирование новых дивизий.

Предложение мне принять на себя формирование 131-й дивизии и командование ею. Мой отъезд в отпуск и возвращение.

В конце октября месяца, когда я собрался уже выехать в отпуск, последовало высочайшее повеление о переформировании всех полков действующей армии из 4-х батальонных в 3-х батальонный состав с тем, чтобы из четвертых батальонов полков образовать новые полки, соединив их в новые дивизии.

Вызвано это было желанием увеличить число боевых единиц и сделать полки и дивизии более подвижными и легче управляемыми, тем более, что и полки германской армии все были 3-х батальонного состава. На Западном фронте таких вновь формируемых дивизий предположено было шесть, они назначены были к формированию при штабах следующих армий: 2-й – 129-я пехотная дивизия, 3-й – 130-я, 4-й – 131-я, 10-й – 132-я и 133-я и при штабе Минского военного округа – 134-я. Формирование и командование **131-ой дивизией** возложено было на меня. Меня это назначение мало порадовало, т.к. я не мог не сознавать всей трудности

формирования дивизии, и я бы, конечно предпочел получить в командование одну из старых кадровых дивизий.

Меня успокаивала мысль, что полки 131-й дивизии подлежали формированию, главным образом, из четвертых батальонов родных мне полков 7-й и 8-й Сибирских дивизий, а потому состав дивизий не будет мне чужд, также как я не буду для них чужим. Одну минуту я думал, что мне не придется воспользоваться отпуском, но в штабе армии мне сказали, что я смело могу ехать, т.к. еще пройдет довольно времени до опубликования приказа о моем назначении и начала формирования.

Поэтому я и решил не откладывать своего отъезда в отпуск, но перед тем, как выехать, заехал в штаб армии, чтобы выяснить все вопросы, связанные с формированием дивизии, познакомился с намеченным на должность начальником штаба дивизии подполковником Станиславским, чтобы сговориться с ним по поводу первых распоряжений по формированию дивизии, в случае если бы я запоздал к началу их.

В последних числах октября я смог со спокойной душой выехать в отпуск, проехал прямо к своим в Петроград. Три недели прошли незаметно, часть времени я провел в Москве, посвятив большую часть времени моего пребывания там Практической академии коммерческих наук, о чем я уже писал выше.

12 ноября я получил депешу с фронта о состоявшемся приказе главнокомандующего армиями Западного фронта о назначении меня командующим 131-ой пехотной дивизией, а командира 17-го пехотного Архангельского полка полковника Буйвида командующим бригадой этой дивизии.

17 ноября, по окончании срока моего отпуска, я выехал обратно на фронт. Грустно было расставаться со своими, но в то же время меня тянуло к новым моим обязанностям по формированию дивизии, мысль о том, как бы лучше и успешнее сформировать ее, меня увлекла и я, не зная совершенно своего бригадного командира Буйвида, тревожился как бы он не сделал на первых порах какой-нибудь ошибки или промаха.

По приезде в Минск, я явился к генералу Эверту, который, как всегда, был очень любезен. Также и в штабе фронта меня все приняли с особой предупредительностью. Утешительного по части формирования дивизии я узнал мало – об артиллерии, как оказалось еще и вопрос не поднимался, так что первое время дивизия будет без оной, материальная часть тоже далеко не полностью.

Полки, как оказалось, были уже сосредоточены в районе Койданово, нумерация полков 521-й, 522-й, 523-й и 524-й, в первом полку по батальону от 25-го и 26-го Сибирских стрелковых полков, во втором – от 27-го и 28-го, в третьем – от 29-го и 30-го и в четвертом – от 31-го и 32-го. Третьи же батальоны составлены были из частей 7-й Туркестанской, 83-й и 5-й дивизий, так что $\frac{2}{3}$ дивизии составляли мои сибиряки. Эверт предоставил мне дать названия полкам, я просил наименовать их 521-м Байкальским, 522-м Ангарским, 523-м Ачинским и 524-м Канским. Я взял наименования

сибирских городов – мест стоянок сибирских полков из состава коих формировалась моя новая дивизия.

Покончив все дела в Минске, я выехал по железной дороге до ст. Замирье, где меня ждала тройка, на которой я по убийственной дороге доехал до Рапиово, места расположения штаба 8-й дивизии, куда добрался только в 3 часа ночи, немцы в это время открыли орудийную стрельбу, освещая всю местность ракетами, как бы салютуя моему возвращению. Все конечно спали, я лег и встал в 8 часов. Ко мне пришел Редько, трогательно обнимал меня, затем пришли все чины штаба, радостно приветствовали. Редько в этот день уезжал на два дня для исполнения особого поручения, возложенного на него командующим 4-й армией, и я вступил на эти дни в командование дивизией.

В.Ф. Джунковский утром в Рапиово. Июль 1916 года.

В тот же день я получил от вступившего во временное командование 131-й дивизией бригадного командира Буйвида следующую депешу, осведомлявшую меня о местах расположения частей моей новой дивизии:

«19 ноября 1916 г. №130

Койданово.

Полки дивизии, ввиду отсутствия землянок, размещены широких квартирах: первый полк в районе юго-восточнее ст. Койданово (Кукшевичи, Каменка, Станьково, Лаптевичи); второй полк в районе юго-восточнее ст. Негорелое окончательно не разместился; третий полк в районе северо-западнее ст. Негорелое (Боровая, Касимовичи, Рудня); четвертый полк в

районе северо-западнее м. Койданово (Великое, Старинки, Карачуки, Петришевичи); управление и учреждения дивизии в районе Койданово северо-западнее его. Мною командиром назначается офицер для осмотра имения графа Чапского, но я лично находил бы расположение штаба дивизии в связи с полком и удаленности от станции, особенно, имея ввиду временное отсутствие в штабе дивизии всяких средств передвижения и связи. В настоящее время штаб дивизии размещен в удобном здании начального училища, где для вашего превосходительства имеется комната. Отдельное помещение для Вас, вблизи штаба, хотя и может быть найдено, но есть другие удобства, а потому решение этого вопроса откладываю до вашего приезда. Буйвид».

Мое прощание с 8-й дивизией

Все 19 ноября я просидел дома, только к вечеру отправился верхом к командиру корпуса генералу Трофимову, который меня встретил очень радушно. Заехав в Гродненский отряд, чтобы проститься с ним, я поужинал у персонала и вернулся около 11 вечера.

20 числа поехал к командующему армией Рагозе представиться по случаю получения 131-й дивизии. Он меня принял очень любезно, оставил обедать и заставил выслушать целую тираду хвалебных гимнов в мой адрес. После обеда я занимался с дежурным генералом по части формирования моей новой дивизии, выясняя разные вопросы. Покончив с ним, поехал прощаться с персоналом в Пермский лазарет, ужинал у них. Домой вернулся к 12 ночи, проделав половину пути на тройке, половину верхом.

21 и 22 ноября посвятил объезду полков и частей дивизии, прощаясь с ними. Эти поездки сопряжены были с большим трудом, т.к. дороги были убийственные, а расстояния огромные. Два полка 29-й и 30-й стояли на позиции, так что я мог повидать только и проститься с командирами полков и некоторыми офицерами. В 31-м же и 32-м полках, которые находились в резерве, я смог повидать всех. Полки были выстроены с музыкой, меня встречали Преображенским маршем, сменявшимся полковым. Я обошел полки, обращался к стрелкам с прощальным словом, затем обедал в офицерском собрании в том и другом полку.

Взволнованный, расстроенный я уезжал от них, сопровождаемый громкими криками: «Ура!»

В 31-м полку за обедом песенники пропели мне на прощание свою полковую песнь и сибирскую:

1. Полковая.

*Из тайги, тайги дремучей
С Енисея от реки
Молчаливой грозной тучей
Шли на бой Сибиряки.*

Ни усталости, ни страха
Бьются ночь и бьются день
Порыжелая папаха,
Лихо сбита набекрень.
Нас сурово воспитала
Енисейская тайга,
Волны грозного Байкала,
Да Сибирские снега.
Енисей, река родная,
За тебя мы постоим
Волнам Вислы и Дуная
Твой привет передадим.
Немец нам совсем не страшный
Коль возьмемся за штыки
И пойдем в бой рукопашный
Мы на то Сибиряки.
Долго Немец не забудет
Про Сибирские войска
И раскаиваться будет
Что сваял он дурака.

2. Сибирская.

О славное море, священный Байкал
Прекрасный корабль – омулевая бочка.
Эй, Баргузин, пошевеливай вал.
Плыть молодцу недалечко.
Долго я звонкие цепи носил,
Долго скитался в горах Акатуя
Старый товарищ бежать пособил
Ожил я, волю почую.
Шилка и Нерчинск не страшны теперь,
Зоркая стража меня не догнала,
В дебрях не тронул прожорливый зверь,
Пуля стрелка миновала.
Шел я и ночь и средь белого дня,
Вкруг городов пробираясь зорко
Хлебом кормили крестьянки меня,
Парни снабжали махоркой.
Смело я плыть на сосновом бревне,
Плыть чрез большие я реки пускался;
Мелкие речки встречались мне,
Вброд через них преправлялся.
У моря струсил немного беглец:
Берег крутой, а ведь нет и корыта
Шел я тайгой и дошел наконец

К бочке дресвою залитой.
Нечего думать, Бог счастья послал!
В этой посуде и бык не потонет,
Труса достанет и на судне вал,
Смелого в бочке не тронет.
Тесно в ней было житье омулям.
Бедные рыбки утешьтесь словами:
«Раз побывать в Акатуе бы вам,
В бочку полезли бы сами».
О, славное море – священный Байкал
Прекрасен и парус – армяк дыроватый.
Тучи собрались над морем святым,
Слышатся бури раскаты.

К командирам полков я обратился еще со следующими письмами:

«22 ноября 1916г. № 462 г. дв. Рапиово

Его высокоблагородию командиру 29-го полка К.Т. Басову

Милостивый государь Козьма Терентьевич!

С грустью расставаясь с родной мне 8-й Сибирской стрелковой дивизией и в частности с вверенным Вам славным 29-м полком вследствие предстоящего отъезда моего во вновь 131-ю пехотную дивизию я не могу не вспомнить с чувством глубокой самой сердечной признательности нашу совместную службу в течение более года.

Не окажите принять и передать всем гг. офицерам мою самую глубокую благодарность за их сердечное сочувствие ко мне, за ту всегдашнюю готовность идти навстречу моим указаниям, за дорогое радушие и гостеприимство, которое я встречал всегда, когда бывал в полку.

Покидая 8-ю дивизию, я утешаю себя мыслью, что связь с ней будет постоянно поддерживаться, благодаря тому, что две трети двух полков новой дивизии представляют собой выделенные роты из полков 8-й Сибирской, я радуюсь увидеть родные мне знакомые роты 29-го полка в 523-м Ачинском полку и уверен, что эти роты с гордостью вспоминая свое прежнее звание сибирского стрелка будут и в новом полку теми же лихими беззаветными слугами царю и Родине.

Прошу передать мой низкий поклон всем славным вверенным Вам сибирским стрелкам 29-го полка, я от души желаю Вам сил, здоровья и прошу верить в глубокое мое уважение и сердечную преданность.

В. Джунковский».

«22 ноября 1916г. №463 г. дв. Рапиово.

Его высокоблагородию командиру 30-го полка А.Н. Изюмову

Милостивый государь Александр Николаевич!

Покидая родную мне 8-ю Сибирскую стрелковую дивизию вследствие назначения меня командующим вновь формируемой 131-й пехотной дивизии,

я не могу не выразить вам и славному вверенному вам 30-м полку мое глубокое сожаление, что мне приходится расстаться с ними.

Не откажите принять и передать всем гг. офицерам мою глубокую благодарность за дорогое всегда ко мне внимание, которым меня всегда окружали в полку, за гостеприимство, которым я не раз пользовался в офицерском собрании полка.

Я никогда не забуду те памятные тяжелые дни под Нарочем, когда полк находился под непосредственным моим начальством, никогда не забуду всего того, что выпало в это время на его долю, не забуду имен погибших героев полка: Панюты, Черемисинова и других.

Эти дни меня сроднили с полком и я рад, что в новом 523-м Ачинском полку я встречу знакомые мне роты славного 30-го Сибирского полка. Эти роты будут служить всегда невидимой связью с родными мне стрелками 30-го полка.

От всего сердца желаю Вам и вверенному Вам полку дальнейшего успеха, славы, счастья для окончательной победы над врагом, а стрелкам после победы вернуться на родину к своим семьям с гордым сознанием исполненного ими долга перед царем и Родиной.

Примите уверение в глубоком моем уважении и преданности.
В. Джунковский».

«21 ноября 1916г. № 461 г. дв. Рапиово

Его высокоблагородию командиру 31-го полка К А. Малишевскому
Милостивый государь Казимир Альбертович!

Оставляя родную мне 8-ю Сибирскую стрелковую дивизию вследствие назначения меня командующим 131-й пехотной дивизией, я чувствую потребность выразить вверенному Вам доблестному 31-му Сибирскому стрелковому полку мое глубокое сожаление, что мне приходится расставаться с ним. Я никогда не забуду того удовольствия и нравственного спокойствия, которые я всегда испытывал, когда 31-й полк или его части находились в бою под моим непосредственным руководством. Тяжелые дни Нарочских боев навсегда останутся в моей памяти неразрывно связанные с дорогими воспоминаниями о лихой работе вверенных Вам славных сибирских стрелков, отразивших натиск немцев на длинный лес и высоту 92.

От души благодарю Вас, глубокоуважаемый Казимир Альбертович и всех гг. офицеров за ту всегдашнюю готовность идти навстречу всем моим указаниям, за ту помощь, которую я всегда при всех обстоятельствах видел с Вашей стороны и за то дорогое гостеприимство, которыми я не раз пользовался у Вас в офицерском собрании.

Прошу Вас передать всем мой самый сердечный привет и пожелания счастья в боевой работе полка, я радуюсь мысли, что в 524-м Канском полку вверенной мне новой дивизии я встречу знакомые роты 31-го полка; я уверен, что такой серьезный кадр внесет в новый полк тот же дух отваги, лихости и преданности своему делу, которые присущи Вашему полку.

Не откажите передать также и славным стрелкам 31-го полка мое сердечное спасибо за их лихую службу, от души желаю им счастья, скорейшей полной победы над врагом и возвращения на родину с гордым сознанием исполненного долга перед царем и Родиной.

*Примите уверение в глубоком моем уважении и преданности.
В. Джунковский».*

«22 ноября 1916г. № 464г. дв. Рапиово

*Его высокоблагородию командиру 32-го полка Ф.В. Костяеву
Милостивый государь Федор Васильевич!*

Расставаясь со ставшей мне родной 8-й Сибирской стрелковой дивизией вследствие назначения моего командующим вновь формируемой 131-й пехотной дивизией, я не могу не выразить Вам моего глубокого сожаления, что мне приходится расставаться и с вверенным Вам славным 32-м Сибирским стрелковым полком, который после Нарочских боев мне стал близким, дорогим. Я всегда буду вспоминать с особенно признательным чувством к Вам и к вверенному Вам полку тяжелые памятные дни этих боев, когда я получил свое первое боевое крещение и когда 32-й полк находился под непосредственным моим руководством.

Находясь тогда в непосредственной близости к полку, я был очевидцем его доблестных боевых подвигов. Дай Бог, чтобы и впредь вверенный Вам полк был всегда на той же высоте, от души желаю Вам, гг. офицерам и лихим стрелкам славы, успеха и счастья в дальнейших боях для окончательной победы над врагом.

Вам и гг. офицерам шлю самый сердечный прощальный привет, благодарю за дорогое радушие, гостеприимство, которые я всегда встречал со стороны Вашей и гг. офицеров при моих посещениях полка.

Радуюсь, что в новой дивизии в 524-м Канском полку одна треть этого полка составлены из рот 32-го полка и этим самым связь моя с полком не порвется и эти роты будут мне напоминать хорошие дни, когда полк входил в состав 8-й дивизии.

Примите уверение в глубоком моем к Вам уважении и душевной преданности.

Джунковский».

23 ноября, в день моего отъезда к новому месту службы, в штабе дивизии мне устроили прощальный обед, меня трогательно провожали, Редько – начальник дивизии до слез меня тронул, я не мог не чувствовать, как он действительно, при всем своем сухом и сдержанном характере, был огорчен, что я покидаю его дивизию. Мне лично было очень тяжело расставаться с ним и всеми чинами штаба, с которыми я провел более года и так много пережил.

За обедом Редько вручил мне свой приказ по дивизии, посвященный моему уходу:

«23 ноября 1916г.

*Приказ №335 8-й Сибирской стрелковой дивизии
г. дв. Рапиово*

Пробыв в должности бригадного командира в течение года, ряды дивизии покидает Свиты его величества генерал-майор Джунковский.

За этот сравнительно недолгий срок службы в дивизии Его Превосходительство, благодаря своим исключительным, преданности и любви к долгу и делу так много сделал для частей дивизии, что имя Его навсегда останется ярким бликом, как на страницах службы частей, так и у всех, кому с ним пришлось иметь дело.

Лично я с уходом Его теряю незаменно – отличного помощника и человека, который, стоя отдельно высоко на пьедестале долга службы и ее идеи, в то же время был высокогуманным начальником и прекрасным отзывчивым с добрым сердцем человеком.

Горечь расставания смягчается лишь тем обстоятельством, что он получает высшее назначение, где будет иметь возможность шире развернуть и ярче проявить силу своих способностей и преданности долгу на общую пользу.

Особо счастливо сложившаяся обстановка связывает нашу дивизию с теми частями, которые отходят под Его начальствование, узами крови и духа.

Примите же, дорогой Владимир Федорович, в час расставания выражение горячей благодарности от меня и всех чинов дивизии за Ваши труды, заботы и теплое попечение о всех тех, кто в этом нуждался.

Начальник дивизии генерал-лейтенант Редько».

*Борогому и любящему-
великому товарищу-
сослуживцу и наставнику
сочинителю блестящих
мемуаров
Влад Редько
29/IV - 1962.
Землянка 42. дв. Рапиово.*

А.Е. Редько, генерал-лейтенант, командующий 8-й Сибирской дивизией. С дарственной надписью на обороте фотографии.

[...]

Увольнение в. кн. Николая Николаевича, назначение генерала Алексеева

На другой день получено было известие о прибытии великого князя Николая Николаевича в ставку, а затем и другое, повергшее всех в уныние – об увольнении его и о назначении Верховным главнокомандующим генерала Алексеева.

Увольнение Николая Николаевича, пользовавшегося огромным авторитетом и популярностью среди войск, послужило крупным шагом к развалу армии, отовсюду все чаще и чаще стали получаться вести об эксцессах и насилиях над командным составом и офицерами, а также и об отказах со стороны частей войск исполнять боевые приказы.

А тут еще проник на фронт знаменитый исторический приказ №1, составленный по инициативе Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов.

И хотя и последовало разъяснение, что означенный приказ относится только к войскам Петроградского гарнизона, тем не менее, он уже успел произвести должное впечатление и поколебать взаимоотношения между офицерами и солдатами.

Приказ этот гласил следующее:

«1 марта 1917 г. Приказ №1. По гарнизону Петроградского округа. Всем солдатам гвардии, армии, артиллерии и флота для незамедлительного и точного исполнения, а рабочим Петрограда для сведения.

Совет рабочих и солдатских депутатов постановил:

1) Во всех ротах батареях и полках, батальонах, эскадронах, отдельных службах разного рода военных управлений и на судах военного флота немедленно выбрать комитеты из выборных представителей от нижних чинов вышеуказанных воинских частей;

2) Во всех воинских частях, которые еще не выбрали своих представителей в совет рабочих депутатов, избрать по одному представителю от роты, которым и явиться с письменными удостоверениями в здание Государственной Думы к 10 час. утра 2-го марта. Во всех своих политических выступлениях воинские части подчиняются Совету рабочих и солдатских депутатов и своим комитетам. Приказы военного комиссара Государственной Думы следует исполнять за исключением тех случаев, когда они противоречат приказам и постановлениям Совета рабочих и солдатских депутатов;

3) Всякого рода оружие, как-то: винтовки, пулеметы, бронированные автомобили и проч., должно находиться в распоряжении и под контролем

ротных и батальонных комитетов и ни в каком случае не выдаваться офицерам, даже по их требованию;

4) В строю и при отправлении служебных обязанностей солдаты должны соблюдать строжайшую дисциплину, но вне службы и строя в своей политической, общественно-гражданской и частной жизни солдаты ни в чем не могут быть умалены в этих правах, коими пользуются все граждане. В частности вставание во фронт и обязательное отдание части вне службы отменяется. Главным образом отменяется титулование офицеров высокопревосходительствами и благородиями и т. п. и заменяется обращением г. генерал, г. полковник и т. д.» <...>

Когда зараза эта проникла и на фронт, и, опираясь на этот приказ, солдаты стали отказываться от исполнения боевых приказов, выражая недоверие офицерам, то в Петрограде спохватились и разослали следующие воззвания:

«9 марта 1917 г.

Воззвание к армии военного министра по соглашению

С председателем Совета рабочих и солдатских депутатов

Исполнительный Комитет сообщает войскам фронта о решительной победе над старым режимом. Уверены, что войска фронта с нами и не позволят осуществиться попыткам вернуть старый режим Мы же, представители Петроградских рабочих и солдат, обещаем стоять здесь на страже свободы.

Ее укреплению может помешать внутренняя вражда в среде армии, рознь между офицерством и солдатами, и на всех гражданах лежит сейчас обязанность содействовать налаживанию отношений между солдатами и офицерами, признавшими новый строй России.

И мы обращаемся к офицерам с призывом проявлять в своих служебных отношениях уважение к личности солдата-гражданина. В расчете на то, что офицеры услышат наш призыв, мы приглашаем солдат в строю и при несении военной службы строго выполнять воинские обязанности. Вместе с тем комитет сообщает армиям фронта, что приказ № 1 и 2 относятся только к войскам Петроградского военного округа, как и сказано в заголовке этих приказов, что же касается армий фронта, то военный министр обещает незамедлительно выработать в согласии с исполнительным комитетом Совета рабочих и солдатских депутатов новые правила отношений солдат и командного состава...

Подписал: военный министр Гучков». <...>

Эти все воззвания мало достигли цели, т. к. одновременно все делалось для дискредитирования командного состава и офицеров и для колебания дисциплины. Гучков с Поливановым, назначенным к нему помощником, собрали комиссию для пересмотра уставов и изменения их (и это в разгаре военных действий), а затем был составлен список всех начальствующих лиц до командиров корпусов включительно, причем по совету генералов, окружавших Гучкова, им ставились кресты против фамилий тех, кои им были нежелательны. Было уволено до 100 генералов,

что также сыграло немалую роль развалу армии. Все чувствовали, что армия, как боевая единица, катится по наклонной плоскости.

У меня, к счастью, дивизия как-то держалась и из повиновения не выходила, но это стоило невероятного напряжения.

Среди всех этих тревог за завтрашний день, я был очень растроган бывшими моими соратниками по Нарочскому бою, которые в день этого боя вспомнили меня. Я получил несколько депеш из родной бывшей 8-й дивизии:

«Вспоминая славные дни доблестных подвигов и душою с Вами Редько».

«В годовщину славного Нарочского боя 31-й полк, вспоминая своего вождя, шлет Вам наилучшие пожелания и горячие приветы. Командующий 31-м полком поручик Крюков».

«Годовщину боев под Нарочем вспоминаю пережитое, шлю Вам самый сердечный привет. Хрипунов».

[...]

Уход командующего 2-й армией генерала Смирнова

В этот же день я опубликовал прощальный приказ командующего армией достойного генерала Смирнова, получившего другое назначение. Мне было очень жаль уйти из-под командования этого честнейшего, благороднейшего генерала. Привожу его приказ:

«Сегодня я сдаю командование генералу Веселовскому и отъезжаю к новому назначению.

Оглядываясь на два с половиной года беспримерной борьбы, в течение которых я стоял во главе 2-й армии, я чувствую душевную потребность обратиться к вам, доблестные войска, с прощальным словом. Поступив в командование армией в конце ноября 1914г. в конце Лодзинской операции, я сразу не мог оценить по достоинству высокие боевые качества вверенных мне войск. Только беззаветная храбрость, только беспримерная выносливость войск и самоотверженная работа всех начальников обеспечили армии более чем благополучный отход армии за Бауру и Равку.

В дни жесточайших боев у Боржимова, когда массы немецкой пехоты, поддерживаемые сотнями пушек, яростно атаковали наши тогда позиции, вы грудью отстояли их и не пустили врага на Варшаву.

В последовавшие затем месяцы «сидения» на р. Равке вы настолько успешно укрепляли позиции, что, несмотря на ряд попыток противника прорвать их, несмотря на ряд впервые примененных газовых атак, армия твердо отстаивала свой фронт, и только 4-го июля по приказанию свыше, начала отход.

В тяжкие дни отхода доблестные войска вновь показали свои высокие боевые качества. В боях под Варшавой, под Седлецом, на Буге, под Клецелями, под Бельским, на Нарове, под Волковыском, на Немане – вы, сражаясь за недостатком патронов и снарядов чуть не с голыми руками, отражали наседавшего отлично вооруженного врага. Ряды ваши таяли,

многие тысячи наших героев сложили за честь Родины свои головы; знаю корпуса, в составе которых к концу отхода оставалось не более 2000 штыков, но эти остатки дрались из последних сил, и сдержали напор противника.

Постепенный отход армии внезапно осложнился прорывом противника между 5-й и 1-й армиями на Свенцянском направлении. Задача по парированию маневра противника, угрожавшего тяжелыми последствиями, была возложена на 2-ю армию.

Контр-маневром 2-й армии, закончившимся славными боями под Молодечно, под Вилейкой и озером Нарочь, наступление обходящих сил противника было остановлено, и немцы были вынуждены к поспешному отступлению на многие десятки верст, чем был положен предел вторжению противника в центр России.

Вспоминаю и мартовские бои 1916 г. у озера Нарочь, где наши славные полки вновь показали свою высокую доблесть.

Наконец тяжкие труды ваши, по усилению ныне занимаемых позиций, создали непреодолимую преграду для противника, и, зная вас, я твердо верю, что в грядущих боях, все попытки немцев прорвать наш фронт будут безуспешны.

Преклоняюсь перед священной памятью наших героев, имена которых будут всегда гордостью Родины, и пусть славный дух их будет с вами вечно, побуждая на новые подвиги.

Вам же, дорогие боевые товарищи, от всей души желаю боевого счастья и успехов, окончится война – счастливо возвратиться к семьям и к близким.

Вспоминая тяжелые боевые дни, я с глубокой благодарностью вспоминаю своих ближайших сотрудников – начальников штаба генералов Квещинского и Соковнина и нынешнего генерал-майора Гоерца, инспектора артиллерии генерал-лейтенанта Беляева и начальника инженеров полковника Ильяшева, а также всех чинов штаба и управлений армии, за их самоотверженную работу, которая давала мне спокойную уверенность в том, что все, мною указанное, будет проведено в жизнь и выполнено наилучшим образом. Но, расставаясь с вами, доблестные боевые товарищи, я всегда буду внимательно следить за вашей боевой жизнью, и верю, что услышу еще о боях, в которых вы стяжаете успех, во славу нашей великой и свободной Родины. Ваша радость будет моей радостью.

Прощайте, да поможет вам всем Бог!

Генерал от инфантерии Смирнов».

Праздник 29-го Сибирского стрелкового полка, неприятно жуткое впечатление.

16 августа [1917 – прим.] я ездил в свою родную 8-ю дивизию в 29-й полк, который праздновал в этот день свой полковой праздник и который вспомнил обо мне и пригласил на молебствие, парад и завтрак.

Будучи очень занят, я не успел приехать к началу празднества и попал только к завтраку и то, когда уже все сидели за столами. Меня шумно и очень радушно встретили, все встали, провели меня на почетное место. Завтрак был накрыт в довольно тесной землянке в Полонечском лесу, за завтраком кроме офицеров сидели и солдаты – члены полкового и председатели ротных комитетов. На столах стояли целые батареи вина и водки.

Много уже было выпивших, особенно среди солдат. Неприятное и жуткое впечатление. Я был не рад, что приехал, если бы я мог только ожидать, что я встречу такой разгул, такую распущенность, то, конечно, не поехал бы.

У меня в дивизии на полковых праздниках, особенно последнее время, водка совершенно отсутствовала, а вино бывало в самом ограниченном количестве, только для тостов, и выпивших, даже немного подгулявших, никогда не было. Все проходило чинно, благородно.

Как только я сел, по моему адресу начались тосты один за другим, говорил командир полка, говорили офицеры, говорили солдаты, в общем было все очень трогательно, но та распущенность, которая царила при этом, меня угнетала. К тому же началась какая-то перебранка между офицерами и солдатами, сидевшими за одним столом – я смотрел на это и слушал, и так тяжело стало на душе, что я старался улучшить минуту, чтобы уехать. Но это не так легко было сделать.

Ко мне подсел один из фельдфебелей, заслуженный георгиевский кавалер, бывший со мной в бою под Нарочем. Он был выпивши и начал мне объясняться в любви, в преданности, вспоминая время, когда я был их начальником и, схватив мою руку, стал ее целовать. Мне стало страшно неловко, я не знал куда деться.

К концу завтрака был уже полнейший беспорядок, которым и воспользовался, чтобы направиться к выходу. Провожаемый некоторыми, которые были трезвы и командиром полка, я сел в автомобиль. Старые стрелки окружили меня и устроили мне овацию. Под их крики «ура» и собравшихся офицеров я двинулся в путь под тяжелым впечатлением. «Вот отчего у нас во многих частях доходит до насилий над офицерами и командным составом, вот где главная причина развала, неуважения к старшим», – подумал я.